

НЕСЧАСТНЫЕ

(Изъ быта ссыльныхъ.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пока не произведены были коренныя преобразованія въ нашемъ судопроизводствѣ, вопросъ о мѣстахъ заключенія подсудимыхъ и осужденныхъ путался въ грудѣ другихъ рядовыхъ вопросовъ. Ради его, временами предпринимались кое-какія измѣненія, временами производились улучшенія, но все это не въ систематическомъ порядкѣ, не въ цѣломъ видѣ, а только частями; вообще же, вопросъ этотъ стоялъ весьма далеко назадъ, не смотря на то, что требовалъ самаго сосредоточеннаго вниманія. Тюремный бытъ, своимъ крайнимъ несовершенствомъ, настоятельно взывалъ о помощи и требовалъ коренной переработки.

Литература наша, какъ и всегда во всѣхъ жизненныхъ нашихъ вопросахъ, не оставалась и на этотъ разъ глухою и равнодушною къ тѣмъ воплямъ, которые ясно, но робко доносились изъ всѣхъ мѣстъ заточенія, со всѣхъ пунктовъ ссыльныхъ поселеній. Литература не прикидывалась слѣпою или не желающею вѣдать такія дѣла за недосугомъ и многосторонними сложными занятіями, при видѣ язвъ весьма остраго свойства и заразительныхъ признаковъ. Лѣтъ пять тому назадъ, вопросъ о ссыльныхъ и тюрьмахъ шевелилъ общественный интересъ, возбуждалъ вниманіе и участіе съ достаточною силою и настойчивостью при содѣйствіи литературныхъ трудовъ, разбросанныхъ почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ того времени. Съ тѣхъ поръ, вопросъ о тюрьмахъ и ссыльныхъ оставался въ архивныхъ дѣлахъ, какъ будто бы и онъ изъ разряда тѣхъ, которые рѣшены окончательно и потому перестали занимать обѣ заинтересованныя стороны.

Съ перемѣною системы уголовного судопроизводства и преобразованіями въ нашей карательной системѣ, всѣ прежнія подозрѣнія должны исчезнуть сами собою. Теперь очевидна насущная и неизбывная надобность вести оба дѣла рука объ руку: съ измѣненіемъ карательной системы сдѣлалось священнымъ и неотложнымъ долгомъ коренное измѣненіе системы тюремъ и ссылки. Въ далекомъ и близкомъ прошедшемъ, для насъ довольно образцовъ для того, чтобы не дѣлать крупныхъ промаховъ и не утѣшаться наружнымъ блескомъ и лоскомъ того, что внутри прогнило насквозь, и — стало быть — никуда не годится.

Новая реформа, пущенная уже въ ходъ, не позволитъ теперь прибѣгать къ поверхностнымъ измѣненіямъ изъ-за одного хвостовства и, для очистки совѣсти, вырабатывать только казѣвые концы: новымъ заплатамъ, хотя бы и изъ заграничныхъ матерій, на ветхомъ рубищѣ уже и не удержаться теперь. Судебная реформа слишкомъ глубоко вѣдряется въ нашу молодую, восприимчивую и плодотворную почву, кореннымъ образомъ переработываетъ все ветхое зданіе старыхъ пріемовъ и порядковъ, и весь старый судъ; волчецамъ и терніямъ рости тутъ не мѣсто: они могутъ только глушить входы и мѣшать росту молодыхъ побѣговъ. Система заключенія и ссылки только тогда не станетъ бить въ косъ и въ сторону, когда всѣми голосами начнетъ вторить здоровымъ и сильнымъ мотивамъ новаго и молодого двигателя и дѣятеля. На это у насъ имѣется много основанийъ для надеждъ; много данныхъ для того, чтобы не грѣшить больше противъ требованій духа времени и человѣколюбія.

Преобразование нашего уголовного судопроизводства сдѣлало необходимымъ пересмотръ уложенія о наказаніяхъ, которое съ одной стороны мѣшаетъ суду смягчать наказаніе нѣсколькими степенями (по вновь предоставленному ему праву), — съ другой, оставаясь при устарѣлыхъ взглядахъ и понятіяхъ, не всегда точно и прямо можетъ опредѣлить надлежащую мѣру наказанія и сознательно успокоиться на томъ, что такое-то наказаніе легче, другое тяжелѣе. Такъ, на примѣръ, въ силу благопріятно-сложившихся обстоятельствъ (о которыхъ мы подробно расскажемъ ниже) заключеніе въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства сдѣлалось легче, чѣмъ заключеніе въ рабочихъ ротахъ военнаго вѣдомства; — между тѣмъ, первое заключеніе, по уложенію, полагается высшимъ исправительнымъ наказаніемъ. Точно также подлежитъ большому сомнѣнію и то, чтобы рудниковыя каторжныя работы, производимыя по требованіямъ и указаніямъ правильной науки, могли оставаться на прежнемъ суровомъ положеніи въ рукахъ людей, получающихъ гуманное образованіе въ

средѣ цивилизованнаго общества. Мы имѣемъ много данныхъ для того, чтобы видѣть гораздо бѣльшую тяжесть наказанія для тѣхъ преступниковъ, которыхъ судьба ввѣрена людямъ, менѣе умягченными воспитаніемъ, и которыхъ трудъ и работа подчиняются не законамъ науки, а произволу. Сибирскія арестантскія роты и, между ними, Омская крѣпостная (нашедшая такого талантливаго бытописателя, каковъ авторъ «Мертваго Дома») являются въ несравненно болѣе суровой и болѣе грозной формѣ, чѣмъ, наприм., всѣ рудники, промыслы и заводы Перчинскаго горнаго округа. Между тѣмъ, работы на рудникахъ и промыслахъ перчинскихъ, управляемыхъ горными офицерами, назначаются для каторжныхъ 1-го разряда, а сибирскія арестантскія рабочія роты, дозираемыя военными офицерами, считаются во 2-мъ разрядѣ наравнѣ съ заводами, надзоръ за которыми ввѣряется гражданскимъ чиновникамъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ послѣднее время система примѣненія труда ссыльныхъ на мѣстахъ изгнанія подвергалась сильнымъ измѣненіямъ, и трудъ направлялся совсѣмъ не въ ту сторону и шелъ не по тому назначенію, на которое надѣялся и указалъ судъ. Назначалась ссылка въ рудники въ то время, когда ни одинъ изъ нихъ не дѣйствовалъ по прежнимъ приѣмамъ, а на большую половину они стояли залитые водою, — только на самую малую часть рудники разрабатывались по системѣ вольнонаемнаго труда свободными людьми, сибирскими старожилами. Самый способъ содержанія и обращенія съ ссыльно-каторжными въ послѣднее время измѣнился противъ прежняго, но не установился въ опредѣленную и желаемую форму: онъ былъ смягченъ въ одно время и вдругъ снова началъ стремиться къ болѣе крутымъ и строгимъ мѣрамъ. Послѣдовательнаго, развѣ выработаннаго и установленнаго взгляда на это дѣло не стало: отъ личнаго характера лицъ и отъ уровня ихъ міросозерцанія зависѣло то, на чтѣ силится имѣть прямое и непосредственное вліяніе коренныя государственныя узаконенія.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ настоящее время достаточно смягчился взглядъ на преступленія и преступниковъ въ общемъ сознаніи всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Особенно рельефно и законченно выясняется это въ наши дни въ рѣшеніяхъ присяжныхъ, въ ихъ взглядѣ на преступленія и на степени возмездія за нихъ, и мы думаемъ, что источникъ подобнаго явленія вытекаетъ непосредственно изъ народной почвы. Въ этомъ отношеніи выборные отъ общества не въ разладѣ съ нимъ.

Слово *колодникъ*, какъ эпитетъ ссыльнаго, исчезаетъ изъ народнаго употребленія, ослабѣвши въ своемъ значеніи, какъ извѣстно, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда исчезло на Руси то орудіе

См. стр. 483 начало, до 488 и
след. страницъ

наказанія, которое дало свое имя всякому преступнику ссыльному и не ссыльному. Иноземное слово *арестантъ*—до сихъ поръ остается только въ казенныхъ бумагахъ и на языкѣ официальныхъ лицъ; въ народъ оно не ушло. Народъ упорно стоитъ противъ этого названія, какъ упорно не соглашается всякаго ссыльнаго признать *преступникомъ*. И это слово онъ не принимаетъ въ свой языкъ, не умѣя осмыслить его для себя въ своемъ мягкомъ сердцѣ. Всякаго преступника, идущаго въ тюрьму, въ ссылку, на поселеніе, на каторгу, нашъ народъ вездѣ (и въ Россіи и по Сибири) называетъ «*несчастливымъ*».

Насколько это слово вѣрно, и какъ видѣнъ въ томъ протестъ противъ отжившаго свой вѣкъ стараго суда, насколько его можно примѣнить къ русскимъ преступникамъ, насколько, наконецъ, оно имѣетъ права гражданства передъ всѣми другими, ему однозначущими — мы рѣшились объяснить то рядомъ рассказовъ.

Рассказы эти—плодъ личныхъ наблюденій надъ бытомъ ссыльныхъ въ Сибири, по нашей дорогѣ съ Амура. Наблюденіями этими мы хотѣли бы внести и свою посильную лепту въ число тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ по частямъ начали созидать новое зданіе тюремной системы. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе своевременнымъ, что нѣкоторые казенныя учрежденія (морское и военное министерства) озаботились уже устройствомъ такихъ тюремъ, до которыхъ доработалась Европа, руководимая началами цивилизаціи и гуманности. Третье вѣдомство (министерство Внутр. Дѣлъ) успѣло уже собрать краткія свѣдѣнія о состояніи тюремнаго дѣла въ Россіи, но не произвело еще наблюденій надъ сибирскими тюрьмами и не провѣрило способа колонизаціи Сибирскаго края ссыльными преступниками. Этотъ-то именно пробѣлъ мы желали бы отчасти дополнить и, до нѣкоторой степени, принять участие и въ загрузовкѣ другого пробѣла: до сихъ поръ изучалось, съ большею настойчивостію и вниманіемъ, тюремное дѣло только за границей. Наши домашнія дѣла оставались на заднемъ и дальнемъ планѣ, и порождаютъ вѣроятіе опасеній, что зданіе, сооружаемое на невѣдомой почвѣ, можетъ простоять только нѣкоторое время и потомъ снова потребовать уже не ремонта, а коренной перестройки. Примѣръ подобной неудачи у всѣхъ насъ на памяти.

Еще Екатерина II прилагала не мало заботъ къ тому, чтобы устройство мѣстъ заточенія производилось по началамъ христіанскаго человеколюбія. Одинъ изъ ея указовъ предписываетъ, чтобы тюрьмы были расположены внѣ городовъ, на мѣстахъ здоровыхъ и открытыхъ, чтобы при каждой тюрьмѣ была больница, откуда арестантъ выходилъ бы не иначе, какъ по совершенномъ излеченіи, и проч., и проч. Законъ желаетъ, чтобы соблюдалось стро-

гое отдѣленіе мушкетеровъ и женщинъ, признаетъ справедливость различать способы обращенія съ заподозрѣнными и обвиненными. Постановленіе это Екатерина разослала ко всѣмъ губернаторамъ съ приказаніемъ привести его въ исполненіе по всѣмъ подвѣдомымъ мѣстамъ. Но повиновеніе закону было пустымъ словомъ, а произволъ мелкихъ чиновниковъ могъ безразсудно воспротивиться высочайшей волѣ, и этотъ законъ оставленъ былъ безъ исполненія: тюрьмы продолжали быть нездоровыми и находились подъ дурнымъ надзоромъ. Между тѣмъ исправленіе тюремъ производилось по указаніямъ знаменитаго друга человѣчества: самъ Джонъ Говардъ, изобрѣтатель пенитенціарныхъ тюремъ, лично осматривалъ наши тюрьмы (и даже умеръ въ Россіи, при посѣщеніи больныхъ въ Херсонѣ, въ 1790 году).

Императоръ Александръ I, слѣдовавшій по стопамъ своей бабки, и усилъ придать сильное движеніе многимъ начинаніямъ во имя христіанской любви и благотворительности, поддерживалъ планы Екатерины и по отношенію къ тюремному дѣлу. Въ 1819 году, образовано было, подъ предѣлательствомъ князя Голицына, особое благотворительное Общество съ исключительною цѣлію улучшить положеніе заключенныхъ. Работы Общества обнаружили добрыя намѣренія и повели къ широкому развитію основной мысли: къ повсемѣстному образованію попечительныхъ тюремныхъ комитетовъ, прожившихъ уже полвѣка и доставшихся въ наслѣдіе и нашимъ временамъ. Настоящее строгое время, преимущественно съ практическимъ дѣловымъ отбѣнкомъ, потребуеетъ отъ нихъ новыхъ задачъ, и иной службы, сознательнѣе и прямѣе направленной къ цѣли. Нашему времени, послѣ извѣданныхъ неудачъ, уже не приводится удовлетворять себя призрачнымъ существованіемъ такого дѣла, которое непосредственно должно направляться къ опредѣленнымъ и практическимъ цѣлямъ. Теперь нельзя принимать за жизненный фактъ то учрежденіе, которое не сумѣло въ такой долгій срокъ выказать, при живучести, разумное проявленіе жизни. Теперь уже нельзя оправдаться тѣмъ, что въ Россіи, у русскихъ, не достаетъ единомыслія и согласнаго расположенія умовъ, которыя абсолютно необходимы для того, чтобы благоприятствовать успѣхамъ полезныхъ учрежденій, и безъ которыхъ лучшія начинанія слабѣютъ и не разрабатываются съ подобающимъ стараніемъ...

Повторять старыя ошибки можно только намѣренно, и несомнѣнень успѣхъ въ такомъ случаѣ, когда будутъ добросовѣстно организованы правила для дѣйствій, и къ данной цѣли исправленія тюремнаго быта согласно направлены будутъ обѣ дѣйствительныя силы, изъ которыхъ одна — благотворительность — громадна, дру-

гая — сознательное состраданіе къ павшимъ въ порокъ и преступленіе — начинаетъ ясно обнаруживаться во всѣхъ слояхъ общества. Исключенія изъ общаго правила, уклоненія отъ коренныхъ свойствъ народнаго характера на столько стали теперь незначительны и мелки, что, намѣренно уступая имъ мѣсто въ послѣдующихъ статьяхъ, мы увѣрены въ ихъ скоромъ исчезновеніи. Они поютъ уже свою лебединую пѣсню; они не что иное, какъ послѣдній остатокъ старинной рутинѣ, доставшейся въ наслѣдіе отъ пращуровъ, и разгуливающей по бѣлу-свѣту, безъ дозволенія общества, до перваго рѣшительнаго запрещенія. Надо только рѣшиться подумать, смѣло приступить и порѣшить съ нимъ разъ и навсегда.

Въ тѣ времена, когда древніе русскіе люди въ безсиліи умственномъ допытывались правды на дыбахъ, огнемъ, водой, вбиваніемъ *подъ ногти гвоздей* (для уразумѣнія *подноготной*) и встрясками, въ тѣ суровыя времена выродились суровыя отношенія къ людямъ, прегрѣшившимъ противу закона и общества, и лишеннымъ свободы. Въ старыхъ заветшавшихъ и загнившихъ архивахъ, мы находимъ имъ начало, а личныя наши наблюденія позволяютъ намъ видѣть ихъ конецъ въ широкомъ значеніи этого слова. Долговременная борьба мрака со свѣтомъ кончается, нравы умягчились; взгляды на страданія стали шире, и участіе къ страдальцамъ изъ пассивнаго чувства перешло въ сознательное.

Останавливаемся на преступникахъ и беремъ ихъ въ то время, когда они признаны таковыми по суду и, лишенные права жить на родинѣ, идутъ приобрѣтать новую и знакомиться съ нею на правахъ подневольныхъ путниковъ, ссыльныхъ.

Но до нашихъ личныхъ наблюденій вспомнимъ однако про старое въ короткихъ словахъ, уже и потому, что матеріалы архивныя по вопросу о препровожденіи ссыльныхъ замѣчательно скудны. Сильнѣе и характернѣе другихъ говоритъ за всѣхъ извѣстный историческій страдалецъ протопопъ Аввакумъ Петровичъ, — одинъ изъ энергическихъ дѣятелей во время смуты, происшедшихъ по поводу исправленія церковныхъ книгъ при царѣ Алексѣѣ и патріархѣ Никонѣ. Извѣстія его тѣмъ и важны, что относятся къ тѣмъ первымъ временамъ, когда Сибирь укрѣпилась за Россіей въ достаточной мѣрѣ, до того, что правительство, уже считая ее своею, назначило ее мѣстомъ ссылки для преступниковъ. Значеніе всѣхъ тѣхъ отдаленныхъ украинъ, каковыми считались всѣ

мѣста, лежація по сѣвернымъ и южнымъ окраинамъ московскаго государства по сю сторону Уральскаго хребта, начинало уже ослабѣвать, и Сибирскія страны стали казаться болѣе удобными для ссыльныхъ людей, чѣмъ, напр., степныя мѣста нынѣшнихъ губерній: Тульской, Орловской, Тамбовской, и сѣверныя страны: пермскія, кольскія, устюжскія и другія.

Въ 1679 году, царь Ѳеодоръ указалъ всѣхъ «воровъ, которые пойманы будутъ и которымъ за ихъ воровство доведется чинить казнь: сѣчь руки и ноги, и тѣмъ ворами рукъ и ногъ и дву пальцевъ не сѣчь, а ссылатъ ихъ въ Сибирь на пашню, съ женами и дѣтьми, на вѣчное житѣ». Въ слѣдующемъ году, указъ этотъ былъ поясненъ, а новый указъ 1683 года указывалъ только, вмѣсто пальцевъ и рукъ, рѣзать уши. Это произошло при совмѣстномъ царствованіи двухъ братьевъ, Петра и Іоанна; но когда Петръ сдѣлался единовластнымъ правителемъ, былъ увлеченъ желаніемъ закрѣпить границы своего государства, посредствомъ правильныхъ крѣпостей, — Сибирь утратила на нѣкоторое время свое значеніе: ссыльныхъ стали посылать въ Азовъ, въ Рогервикъ, на Терекъ и въ Петербургъ, начинавшій выстраиваться. Въ концѣ своей жизни, Петръ снова началъ усиливать населеніе Сибири ссыльными, водворяя ихъ уже въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ, каковы были страны Охотскія и Нерчинскія (по тогдашнему Дауры). Въ 1722 году, окончательно и опредѣленно указано было, какъ на ссыльный пунктъ, на эти Дауры, въ которые пролагалъ самую первую тропу, еще за 60 лѣтъ до того, ссыльный протопопъ Аввакумъ. Дорогъ туда не только въ то время, но и далеко потомъ еще не было: ходили обычными казачьими путями: или проложенными самою природою (т. е. по рѣкамъ), или цѣликомъ по лѣснымъ трущобамъ, подъ руководствомъ и по указаніямъ туземцевъ-инородцевъ. А такъ какъ Аввакуму съ товарищами довелось пробывать первыя тропы, то и было то дѣло «гораздо нудно».

Плывутъ ссыльные на дощаникахъ по рѣкамъ въ безопасныхъ тихихъ мѣстахъ — льетъ сверху дождь и обсыпаетъ снѣгомъ, а на плечахъ нагинуты кафтанишки худые, течетъ вода по спинѣ и груди. Стѣснятъ рѣку горы высокія съ дебрями непроходимыми, утесъ каменный, что стѣна: «и поглядѣть, заламя голову» — мѣсто опасное: быстрая вода переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ, надо умѣть не погибнуть. Разъ случилось такое горе съ Аввакумомъ: оторвало барку и помчало, «а я на ней, ползаю да самъ кричу (пишетъ онъ): «Владычице, помози! Упованіе, не утопи!» Иное ноги въ водѣ, а иное выползу наверхъ; гнало съ версту и больше; все размыло до крохи». Пороговъ по сибир-

скимъ рѣкамъ много. Большая Тунгузка ими особенно богата, — тамъ ссыльныхъ высаживали, заставляли тлнуть барки бичевою, а на шеѣ цѣпь желѣзная длинная, а ноги, обутыя въ дырявое измызанное отрепье, рѣжутся объ острые камни. «Не пренемай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, отъ него обличаемъ. Его же любить Богъ, того наказуетъ» — утѣшаль себя Аввакумъ, но опять, заурядъ съ другими, попадалъ на новыя бѣды. Приходили къ волоку, надо было пѣшкомъ идти (волочиться), собственными руками дѣлать нарты для поклажи скарба, что оставлено на рукахъ (и книги, и одежда, и иная рухлядь были отняты). Придутъ на отдыхъ — опять не много радостей: «привезли въ Братскій-острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филипова поста, въ студеной башнѣ: что собачька на соломѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ.» Мышей много было, какъ во всѣхъ дикихъ непочатыхъ мѣстахъ, гдѣ еще не выжигалъ человѣкъ отъ вѣковъ залежной травы: «мышей я скуфьею билъ: и батожка не дадутъ дурачки. Все на брюхѣ лежалъ; спина гнила. Блохъ да вшей было много». Перевели въ теплую избу: «и я тутъ жилъ съ аманатами грязными тунгусами и съ собаками скованъ зиму всю, а жена съ дѣтьми вереть съ 20 была сослана отъ меня. Ее баба Ксенія мучила зиму ту всю: лаяла да укоряла. Сытъ Иванъ (не великъ былъ) прибрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова Рождества: Пашковъ Аванасій ¹⁾ велѣлъ кинуть въ студеную тюрьму, гдѣ я сидѣлъ: ночевалъ милой и замерзъ-было тутъ, а на утро опять велѣлъ къ матери протолкать: я его и не видалъ. Приволокъ къ матери: руки и ноги отзнобилъ».

Ушли ссыльные за Байкаль, доплелись степью до рѣки Шилки: по ней тянулись бичевою, и протопишь лямку тянулъ. «Зѣло нуженъ ходъ ею былъ: и поѣсть было нѣ-коли, не жели спать. Лѣто цѣлое мучились отъ водяныя тяготы. Люди изгибали, и у меня ноги и животъ сини были. Два лѣта бродили въ водахъ, а зимами черезъ волокн волочились». «Стало нечего ѣсть, люди начали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни. Рѣка (Ингода) мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большія, батоги суковатыя, кнуты острые, пытки жестокия, — огонь да встряска, — люди голодные: лишь стануть мучить, оно и умереть». Промышлять никуда не

¹⁾ Воевода енисейскій, посланный въ новую Даурскую землю искать пашенныхъ мѣстъ и ставить остроги. Эта экспедиція поставила остроги: Иркутскій и Балаганскій по сѣ сторону Байкала—моря, Нерчинскъ по ту сторону, и наконецъ—Албазинъ на дальнемъ Амурѣ, гдѣ Аввакумъ плѣлъ первый русскій молебень.

отпускали; вымѣняли протопопъ на жѣнину московскую одну-рядку 4 мѣшка ржи, съ тѣмъ и маялся два года, съ травой перебываючись (травой хлѣбъ подспаривая): траву эту, вмѣстѣ съ кореньями, по полямъ копали, а зимою замѣняли все тѣ сосновою корою, «а иное кобылятины Богъ дастъ». «И кости находили отъ волковъ пораженныхъ звѣрей, и что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ. А иные и самихъ озяблыхъ (замершихъ) ѣли волковъ и лисицъ: и что получаютъ,—всякую скверну»... «Кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слезъ, даже оплачу бѣдную душу свою, юже азъ погубихъ житейскими сладостями?—вопрошаетъ протопопъ, кающійся въ томъ, что и самъ, грѣшный, волею и неволею сдѣлался причастникомъ «кобыльимъ и мертвечимъ сквернымъ и птичьимъ мясамъ».

Такъ было съ Аввакумомъ ссыльнымъ. Но вотъ велѣно его вернуть въ Москву; бредеть онъ въ обратную съ семействомъ своимъ: дали ему подъ ребяты и подъ рухлядь двѣ «клячки». Самъ съ женой пѣшкомъ идетъ, не смѣя отстать отъ людей, ибо инородцы смотрѣли на пришлецовъ враждебно и грозили опасностью. «Голодные и томные люди» идутъ по варварской странѣ пѣшкомъ и за лошадьми идти не поспѣваютъ: «протопоница бѣдная бредеть — бредеть да и повалится: скользко гораздо. Въ иную пору, бредучи, повалилась, а иной томный же человекъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился: оба кричатъ, а встать не могутъ.

Мужикъ кричить:

— «Матушка государыня, прости!»

А протопоница:

— «Что ты, батя, меня задавилъ?»

Я пришелъ. На меня бѣдная пѣняетъ, говоря:

— Долго-ли мука сея, протопопъ будетъ?»

И я говорю: — Марковна! до самыя смерти.

Она, вздохня, отвѣчала:

— Добро, Петровичъ, ино еще побредемъ.»

Такого человека мудрено было сокрушить бѣдамъ! Сколько напастей не вскидывалось на него, — всё отлетали прочь, какъ отъ того самаго каменнаго утеса, о который едва не разбилась утлая ладья изгнанника, и ладью изломало всю, на ней «размыло все до крохи», а протопопъ, вышедъ изъ воды, смѣется въ то время, когда товарищи его плачутъ, «мокрое платье его по кустамъ развѣшивая». Когда воевода хочетъ бить его: «Ты-де надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ»,—Аввакумъ хладнокровіемъ и кроткими отвѣтами претворяетъ гнѣвъ на милость: «И сталь по мнѣ тужить». Когда другіе не его закала люди отъ такихъ мученій

бѣжали въ лѣса и въ другихъ мѣстахъ строили острожки и по наказамъ уже своихъ воеводъ, протопопъ все переносилъ съ терпѣніемъ и хладнокровіемъ, каковыя не оставили его и на кострѣ, среди пламени. Воевода колотитъ его по щекамъ, по головѣ, сбиваетъ съ ногъ, ухватя за цѣпь лежачаго бьетъ по спинѣ три раза и, разболокши, по той же спинѣ даетъ 72 удара кнута, Аввакумъ пощады не проситъ, но всякому удару противопоставитъ молитву: «Господи Ісусе Христе, помогай мнѣ!» «Какъ били, такъ не больно съ молитвою-то». Выбилъ его воевода съ дощаника на дикой берегъ и съ цѣпью на шеѣ велѣлъ пѣшкомъ брести, — Аввакумъ на берегу варитъ товарищамъ кашу и кормитъ ихъ: и люди тѣ, глядя на него, плачутъ: «Жалѣютъ по мнѣ!» И вотъ, рассказывая другу (старцу Епифанію) о всѣхъ злочлюченіяхъ, упавшихъ на его голову въ такомъ избыткѣ, сидя въ новой земляной тюрьмѣ въ Россіи, — Аввакумъ шутливо смѣясь и не рисуясь, по поводу паденія жены на льду и ея малодушія, съумѣлъ обрисовать въ себѣ такого человѣка, съ которымъ не подѣ-стать было бороться никакимъ вражбимъ силамъ, порождаемымъ ссылкой. Чтѣ же могли испытывать подѣ ударами послѣднихъ тѣ, которыми судьба привела идти вмѣстѣ съ нимъ и потомъ въ великомъ множествѣ слѣдомъ за нимъ, — тѣ, которые, какъ и протопопица Настасья Марковна, принадлежали къ категоріи людей рядовыхъ, обыкновенныхъ? Въ сибирскихъ тайгахъ безслѣдно заглохли ихъ стоны, но ясныя признаки ихъ страданій не мудрено сослѣдить въ откровенной исповѣди того замѣчательнаго человѣка, котораго самъ царь Алексѣй Михайловичъ, сойдя съ своего мѣста и приступя къ патріарху, упросилъ не растрогать передъ ссылкой и потомъ, по возвращеніи изъ сибирской ссылки, велѣлъ поставить къ рукѣ, слова милостивыя говорилъ, велѣлъ поселить на монастырскомъ подворьи въ Кремлѣ и, ходя мимо двора, кланялся «низенько-таки, а самъ говорилъ: благослови-де меня и помолися о мнѣ; шапку въ иную пору, мурманку снималъ, изъ кареты бывало высунется, и всѣ бодрѣ послѣ его челомъ да челомъ: протопопъ, благослови и помолися о насъ!» Надѣ такимъ человѣкомъ воеводѣ Пашкову (изъ тѣхъ же кремлевскихъ бояръ), издѣваться уже не приводилось въ желаемой имъ мѣрѣ и во всю силу его строптиваго духа. А Пашковъ былъ сынъ своего вѣка, и «передъ сынами» этими проходили въ ссылку все черносопные люди, сидѣльцы тюремные, воры, на пыткахъ пытаные, смерды смердящіе. На жалость и состраданіе въ тѣ времена и такіе люди надѣяться уже никакъ не могли.

Въ концѣ XVII вѣка, когда и на Сибирь пало обязательство

служить ссыльнымъ мѣстомъ для преступниковъ, значеніе этой страны не было еще такъ ясно опредѣлено, какъ въ наше время. Правительство еще не могло оставить прежнихъ привычекъ и колебалось между южными и сѣверными русскими украинцами, и даже въ 1699 году, солдатъ за торговлю виномъ, табакомъ и инымъ корчемнымъ питьемъ, послѣ нещаднаго битья на козлѣ, съ женами и дѣтьми ссылало либо въ Сибирь, либо на Терекъ.

Въ XVII столѣтіи, для ссыльныхъ назначались сначала въ Сибири мѣста, ближайшія къ Россіи—страны пермскія и тобольскія, и еще въ 1696 году строили въ Верхотурьѣ дворъ со стоячимъ тыномъ для ссыльныхъ и велѣно въ немъ «поставить сколько избъ пристойно для жительства». Не смотря на то, что за 25 лѣтъ до этого событія, черезъ 12 лѣтъ послѣ Аввакума, прошли по проторенной имъ тропѣ въ дальнія мѣста Сибири другіе политическіе ссыльные: непокорные черкасы — запорожскіе мятежные люди ¹⁾,—отдаленныя мѣста Сибири получили окончательное назначеніе для ссыльныхъ позднѣе. Только въ 1722 году (10-го апрѣля), Петръ указалъ освобожденныхъ отъ каторжной работы (въ Россіи) и назначенныхъ къ ссылкѣ въ дальніе города Сибири «посылать съ женами и дѣтьми въ Дауры на серебряные заводы.» При Аннѣ Ивановнѣ (въ 1733 году), въ число ссыльныхъ пунктовъ включенъ былъ даже такой отдаленный, какъ Охотскъ.

Въ XVIII вѣкѣ, ссылка въ Сибирь стала принимать болѣе широкіе размѣры, и значеніе этапнаго пути стало увеличиваться, достигнувъ своего апогея въ царствованіе Анны Ивановны. Количество ссыльныхъ въ Сибирь возрасло. Понадобились новыя тюрьмы, новые способы препровожденія. Но перемѣнъ противъ стараго времени и противъ пріемовъ прошедшаго столѣтія не произошло никакихъ. По рѣкамъ везли ссыльныхъ въ дырявыхъ стругахъ по-прежнему; по сухому пути волокли на канатахъ въ тяжелыхъ цѣпяхъ по-старинному, и также по старому предвари-

¹⁾ Демка Игнатьевъ, бывший гетманъ запорожскаго войска, съ женою, двумя сыновьями, дочерью и двумя работницами,—за Байкалъ въ Селенгинскій острогъ; Василій Многогрѣшный, черниговскій полковникъ, братъ гетмана—въ Красноярскій острогъ; Матвій Винтовка съ женою и двумя сыновьями—въ Кузнецкій острогъ; Павелъ Грибовичъ, эсаулъ—въ Томскій, а племянникъ гетмана Михайло Зиповезъ—на Лену въ Якутскій острогъ: всѣ въ пѣшую казачью службу. Когда Грибовичъ бѣжалъ и очутился въ Запорожьѣ, товарищей его велѣно посадить въ тюрьмы, а также и всѣхъ присланныхъ въ Туринскъ черкасовъ. Остальныхъ же сосланныхъ въ этотъ ближайшій къ Россіи городъ, «всякихъ чиновъ людей, велѣно тогда же раздѣть надежнымъ людямъ на поруки». Если кто убѣжитъ, тѣхъ велѣно бить влупомъ въ Тобольскѣ и отсылать въ дальніе сибирскіе города.

тельно обезсиливали ссыльных на дыбахъ, встрясками, битьемъ кнутами; вмѣсто клеймъ рвали поздри, чтобы распознали въ толпѣ каторжнаго (отчего толпа и прозвала этихъ людей въ тѣ времена, за постоянное хрипѣнье — *хрѣпами*, хрѣпъ-маіорами). Въ очередяхъ для отправки партій не было никакого порядка: разъ (въ 1773 году) въ Казани накопили столько ссыльныхъ, что принуждены были на два года приостановить ссылку въ Сибирь, и всю массу преступниковъ (900 человекъ каторжныхъ колодниковъ и больше 4-хъ тысячъ поселенцевъ) обратили назадъ въ крѣпости Россіи и на новыя линіи.

Въ XVII столѣтіи, вѣдалъ ссыльныхъ Стрѣлецкій приказъ и посылалъ ихъ въ Сибирь съ нарочными посыльщиками, заковывалъ въ кандалы и ручныя желѣза, а недоставало кандаловъ — ковалъ въ ножныя желѣза, и заливалъ ихъ крѣпко накрѣпко, — и приказывалъ: «Убѣгутъ у тебя колодники или ты самъ, взявъ съ нихъ окупъ, отпустишь, — то воеводы будутъ бить тебя кнутомъ и сошлютъ самого, вмѣсто тѣхъ людей, которыхъ велъ ты, въ ссылку». Потеряетъ посыльщикъ кандалы, «править на немъ цѣну противъ покушки вдвое», и о томъ послать грамоты въ Вологду для тѣхъ, которые ссылались въ Сибирь, — въ Переяславль и Сѣвскъ для тѣхъ, которые назначались въ Кіевъ, — и въ Симбирскъ для ссыльныхъ на Терекъ. Подводы подъ больныхъ колодниковъ и подъ вещи состояли на обязанности крестьянъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ шла арестантская дорога, не имѣвшая еще въ то время прозванія этапной.

Въ XVIII столѣтіи, вѣдалъ ссыльныхъ Сыскной приказъ; въ это столѣтіе успѣли привести въ опредѣленное положеніе обывательскую повинность: велѣли брать подводу до перваго яма, собирая съ тамошнихъ жителей по очереди, чтобы уничтожить тягость, лежавшую на однихъ передъ другими и вызвавшую эту мѣру. «А какъ прибыли обывательскія въ ямъ, то отпускатъ ихъ безъ всякаго задержанія», чтобы не ѣздили на тѣхъ же лошадяхъ дальше (и сколько хотѣли) посыльщики. «За уѣздные подводы на каждую лошадь прогоны — зимою по 1 деньгъ и лѣтомъ 1 коп. на версту выдавать», чтобы не считали уже посыльщики собственнымъ прибыткомъ и достояніемъ то, что принадлежало по праву прилагавшимъ къ дѣлу трудъ и жертвовавшимъ для него временемъ и животиною. Кандалы и желѣза оставили для ссыльныхъ на прежнемъ положеніи, но придумали новую мѣру: для удержанія отъ побѣговъ сковывать преступниковъ въ кучу. Въ Новгородской губерніи, какой-то молодецъ изъ тюремщиковъ, по силѣ этого постановленія, съострилъ тѣмъ, что сковалъ смердовскаго погоста дьякона съ чужой женой по ногѣ, а

дьяконицу сковалъ особо въ другой палатѣ и держалъ такъ недѣли съ двѣ: велѣно указомъ (1744 года 21-го сентября) отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ, ибо сіе «христіанскому благочестію противно и чинится незаконно; подобныя дѣла могутъ быть соблазномъ и ко грѣху причиной». Но одно было на бумагѣ, — другое являлось на дѣлѣ. Борьба теоріи съ практикой и въ прошлый вѣкъ шла съ тѣмъ же усердіемъ, какъ и въ предъидущій, но неудачи примѣненія первой по второй повторялись съ одинаковымъ упорствомъ и постоянствомъ. Ихъ было много.

Еще въ началѣ прошлаго столѣтія, придумана была надобность въ составленіи статейныхъ списковъ преступленій съ обозначеніемъ: кто именно въ какомъ дѣлѣ судимъ былъ «и пытанъ ли, и что съ пытки показалъ на себя или на иныхъ на кого наговорилъ»¹⁾, — но въ 1755 г. понадобился новый указъ, предписывавшій отправлять въ Сибирь съ колодниками письменныя отношенія, обозначая въ послѣднихъ, за какія вины и къ какому наказанію кто изъ преступниковъ присужденъ²⁾. Въ декабрѣ 1802 года, настала новая надобность подрѣшить это требованіе, а въ слѣдующемъ году (12-го января 1803) подтвердить его вновь; но все-таки въ 1819 году, при ревизіи Сибири Сперанскимъ, найдено, что партіи ссыльныхъ были отправляемы и препровождаемы въ Сибирь безъ малѣйшаго порядка. «Управленіе не имѣло точныхъ, большею частью даже и никакихъ свѣдѣній о томъ, кто и за что именно сосланъ и къ какому роду и сроку ссылки приговоренъ, а составлявшіеся въ пограничныхъ мѣстахъ статейные списки смѣшивали въ одно и каторжныхъ, и поселенцевъ, и мужчинъ, и женщинъ, и взрослыхъ, и дѣтей. Дальнѣйшая судьба сосланныхъ находилась въ рукахъ смотрителей, и ихъ разбирали, по произволу, даже въ личныя услуги. Кто куда попалъ, тотъ тамъ и оставался, совершенно независимо отъ важныхъ различій, опредѣляемыхъ уголовными законами и основанными на нихъ приговорами. Въ Томскѣ Сперанскій нашелъ подпоручика Козлинскаго, который, лечась отъ ранъ и болѣзни въ Перми, вдругъ былъ схваченъ и препровожденъ сюда вмѣстѣ съ партіею ссыльныхъ. Разслѣдованіе по принятой отъ него просьбѣ доказало, что онъ дѣйствительно состоялъ на службѣ и не имѣлъ за собою никакой вины, но что дотолѣ не могъ заявить о своемъ бѣдственномъ положеніи, такъ какъ ссыльнымъ было запрещено подавать просьбы и вообще писать изъ Сибири. Открылось также множество нелѣпныхъ свѣдѣній, какъ напр., что такой-то сосланъ изъ «Шенгурской» губерніи

¹⁾ Наказъ Петра нерчинскимъ воеводамъ, 5-го генваря 1701 г.

²⁾ Сенатскій указъ 9-го августа 1755 г.

по запискѣ подъячаго, и все это происходило отъ того, что не было никакого контроля»¹⁾. Но были и крупныя злоупотребленія, на манеръ заявленнаго въ 1811 году тверскимъ прокуроромъ Дребушемъ министру юстиціи (Ив. Ив. Дмитріеву): «Во время осмотра пересыльныхъ колодниковъ, одна женщина, назвавшаяся Крестиною Яковлевою объявила, что она, не будучи судима, ссылается въ Сибирь на поселеніе подъ чужимъ именемъ рижской уроженки Редоко-Янъ, что она ревельская уроженка, и зовутъ ее Крестиною Ловша Папстъ». По справкамъ оказалось, что она представлена въ земскій судъ безъ документа; между тѣмъ въ числѣ подорожень находилась одна на дворовую дѣвку Редоко-Янъ, но самой той дѣвки въ присылкѣ не оказалось, а потому Папстъ и приняли за нее²⁾....

Вмѣстѣ съ такими неурядицами унаслѣдовало нынѣшнее столѣтіе отъ прошлаго неоконченную и никакимъ мирнымъ соглашеніемъ не ослабленную войну съ ссыльными за право ходить въ Сибирь по-человѣчески и съ дороги не бѣгать въ дѣсъ на свои законы и полную волю. Вылазки обиженныхъ неправымъ судомъ и жестокимъ нарушеніемъ человѣческихъ правъ начались еще въ XVII вѣкѣ, когда такихъ людей называли *утеклецами*, и смиряли ихъ тѣмъ, что рѣзали имъ уши. XVIII-ый вѣкъ придумалъ имъ рвать особыми щипцами ноздри, измыслилъ штемпеля для наложенія клеймъ на лобъ и обѣ щеки, положилъ водить ихъ на канатѣ. Ссылные продолжали бѣгать; весь тотъ вѣкъ прошелъ въ неудачной борьбѣ съ ними. Борьба эта особенно ожесточилась въ то время, когда произведено въ Сибири открытіе ссыльныхъ мѣстъ, и когда открылся болѣе правильный этапный путь. Но на немъ росли колючки и тернія, и росли по мѣрѣ того, чѣмъ плотнѣе уколачивалась дорога: не было силы безъ ѣдки и жгучей боли ходить по нимъ. Волчцы и тернія не вырывали, не истребляли; приводилось либо искать въ сторонѣ новыя тропы, и остаткомъ силъ выработывать для себя какой-либо, болѣе подходящій выходъ. А такъ какъ всю вину въ томъ клали на самихъ утеклецовъ и ничего другого не видали и знать не хотѣли, то утеклецамъ этимъ стало еще горше, а слѣдомъ за тѣмъ и потому же исканія утеклецовъ сдѣлались сильнѣе и опредѣленнѣе. Въ такомъ видѣ нерѣшенные дѣла достались и настоящему столѣтію, когда уже мудрено было сдѣлать что-нибудь положительное до тѣхъ поръ, пока сами непріатели не пошли на сдѣлку: отступились отъ протеста

¹⁾ Жизнь гр. Сперанскаго, т. II. Спб. 1861, ст. 232 и 233.

²⁾ Сен. ук. 8-го октября 1811 г.

противъ этапнаго пути, и продолжали протестовать только противъ тюрьмы. Изъ тюремъ бѣгство стало считаться за первое удовольствіе; побѣгами съ этаповъ ссыльные пріостановились. По крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ является дѣло въ наши дни, въ срединѣ нынѣшняго столѣтія; въ началѣ его война была еще въ полномъ разгарѣ, но причины ея и тогда уже немного выяснились.

Сперанскій нашелъ, что «способъ пересылки преступниковъ обрѣтается въ печальномъ состояніи» ¹⁾. Отряжавшіеся срочно, по указу 12-го марта 1807 года, изъ Оренбургской губерніи, башкирцы и мещеряки гнали несчастныхъ какъ гуртъ, обижали ихъ, били и истязали, а смотрители съ своей стороны наживались на ихъ продовольствіи. «Этому печальному неустройству (говорить биографъ Сперанскаго) должны были положить конецъ новые уставы о ссыльныхъ и объ этапахъ». И дѣйствительно, въ уставѣ о ссыльныхъ указано, что если бѣжить ссыльный съ дороги, — то для поминки его дается двѣ недѣли сроку; убѣгутъ двое — партіи не останавливать, не останавливать ея и въ такомъ случаѣ, когда бѣглець будетъ пойманъ. Побѣгъ принять, наравнѣ съ послушаніемъ, за неважный поступокъ; виноватаго указано наказывать въ полиціи, отмѣтить наказаніе въ статейномъ спискѣ и вести дальше. Но тѣмъ не менѣе рѣшительныя и сильныя мѣры коренной перестройки всего дѣла ссыльныхъ — побѣговъ не остановили. И послѣ устава придумывались противъ этого зла всякія мѣры.

Думали уменьшить побѣги организаціей этапныхъ партій изъ меньшаго числа людей (60 вм. 100) на лѣтнее время, когда всего больше бѣгали арестанты; и для того, чтобы легче и сподручнѣе былъ надзоръ за ними, каторжныхъ не посылать многихъ вдругъ; стараться, чтобы партія приходила на этапъ до наступленія ночи. Противъ бѣглаго, который не сдается и угрожаетъ, начальникъ

¹⁾ Провожали ссыльныхъ съ 1802 года казаки донскаго полка, расположеннаго по дистанціямъ въ Казанской губерніи; дальше вели мещеряки и башкирцы, оставленные въ Сибири съ 1807 (указомъ 12-го марта) до изысканія мѣстнымъ начальствомъ внутреннихъ способовъ. При устройствѣ этаповъ, въ основаніе этапной команды поступилъ Селенгинскій гарнизонный полкъ. Но какъ солдаты его были люди ненадежные, неоднократно наказанные и штрафованные, то велѣно замѣнить ихъ людьми изъ другихъ гарнизонныхъ батальоновъ. Солдаты преимущественно должны быть семейные и хотя невидные по фронтовой службѣ, но отнюдь не вовсе изувѣченные или по чему либо не способные носить оружіе. Каждому этапу для хозяйства отведены были свободныя земли, чтобы солдаты могли имѣть покосы и пашни и могли бы строить собственные дома. Этапная команда обязана «прилагать стараніе къ поимкѣ бѣглыхъ и воровъ, близъ дороги укрывающихся, или по крайней мѣрѣ быть для нихъ страшными своею дѣятельностію и поисками до того, чтобы всякое опасеніе насилія на дорогахъ не имѣло основательныхъ причинъ.»

этапа получить право дѣйствовать оружіемъ; городничіе обязаны напоминать объ этомъ правѣ партіи.

Думали удержать отъ побѣговъ тѣмъ, что рѣшили арестантамъ брить половину головы, «возложивъ на обязанность этапныхъ командъ подбривать волосы, когда оные подростутъ» (указъ 14-го іюля 1825 г.). Министръ юстиціи кн. Лобановъ предложилъ при всѣхъ этапныхъ командахъ завести легкіе желѣзные ручные прутья, по примѣру употребляемыхъ на этапахъ, ведущихъ въ Сибирь, и вызвалъ указъ о томъ, въ 1825 году, утвержденный императоромъ Александромъ I 19-го августа; но въ 1832 году (1-го марта) новый указъ отмѣнилъ пруть по причинѣ его крайнихъ неудобствъ (о которыхъ будетъ сказано ниже) и замѣнилъ его цѣпью съ наручниками¹⁾. Арестанты по поводу цѣпи пошли на уступку, и эта уступка составляетъ пріобрѣтеніе нашего времени и относится къ новой исторіи этаповъ, черты изъ которой мы также приводимъ дальше въ отдѣльномъ очеркѣ.

Чтобы покончить со старою исторіею этаповъ и заключить этотъ краткій очеркъ ея, мы должны упомянуть еще о томъ, что въ настоящемъ столѣтіи удалось искоренить еще одно зло и опять таки унаслѣдованное отъ прошлыхъ временъ. Уставъ о ссыльныхъ установилъ точный систематическій учетъ всѣмъ ссыльнымъ, и теперь ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть выпущенъ изъ виду; мѣсто нахождения каждаго изъ нихъ извѣстно существующему въ Тобольскѣ—по проекту Сперанскаго—*Приказу о ссыльныхъ*²⁾.

Приказъ — единственное учрежденіе въ цѣлой имперіи — вѣдаетъ ссыльныхъ при помощи и содѣйствіи шести экспедицій о ссыльныхъ, учрежденныхъ при каждомъ губернскомъ правленіи, начиная съ Казани и кончая Иркутскомъ. Въ казанской экспедиціи сходятся ссыльные съ цѣлой имперіи и еженедѣльно от-

¹⁾ Указомъ 22-го декабря 1827 г. запрещено ковать въ желѣза преступниковъ, лишенныхъ дворянства, въ расчетѣ на то, что они—изъ опасенія и страха въ видѣ простолудина подвергнутся суду — не побѣгутъ.

²⁾ Приказъ смѣнилъ однородное съ нимъ, но отличавшееся бездѣятельностію учрежденіе — Общее по колодничей части Присутствіе. Присутствіе это до 1823 года существовало въ г. Тюмени и установлено было въ началѣ вышнѣшняго столѣтія (именно въ 1807 году), богатаго проектами и всякаго рода начинаніями въ силу общечеловѣческихъ и христіанскихъ стремленій. Тогда, по задачѣ Екатерины II, много думали, говорили, писали и дѣлали по улучшенію быта ссыльныхъ и по предмету улучшенія тюремъ. Но и здѣсь, какъ и во многихъ дѣлахъ того времени, произволъ маленькихъ чиновниковъ подтачивалъ благія предначертанія, исходившія свыше. Приказъ явился, какъ мѣра для правильной сортировки ссыльныхъ и для наблюденія за лучшими способами доставленія ихъ на мѣста.

правляются въ Пермь — единственный губернской городъ до Тобольска и Приказа. Казань принимаетъ, Пермь повѣряетъ; тутъ и тамъ обязаны «приводить въ порядокъ документы ссыльныхъ, снабжать ихъ продовольствіемъ и одеждой и распоряжаться о дальнѣйшемъ ихъ препровожденіи. Тобольскій приказъ обязанъ принимать и распредѣлять присылаемыхъ ссыльныхъ, вести имъ счетъ и алфавитъ и при этомъ не принимать ни одного человека, о которомъ не будетъ сообщенъ судомъ уголовный приговоръ, и доискиваться причинъ, почему тотъ, о комъ послѣдовало сообщеніе, не поступилъ въ Приказъ.»

Въ практическомъ примѣненіи весь этотъ, такъ-называемый *уставъ о ссыльныхъ* обставился такими предварительными подробностями: всякое судебное мѣсто въ Россіи, приговоривши преступника къ ссылкѣ въ Сибирь, увѣдомляетъ Тобольскій Приказъ. Приказъ вноситъ имя ссылаемаго, съ прочими доставленными объ немъ свѣдѣніями, въ особый списокъ. Списокъ этотъ носитъ на мѣстномъ официальномъ языкѣ названіе «предварительнаго алфавита». По алфавиту этому Приказъ *сожидаетъ* прибытія преступника въ Тобольскъ или увѣдомленія о причинахъ, задержавшихъ его въ Россіи (т. е. болѣзни или смерти, побѣга съ дороги, или назначенія въ крѣпостныя работы во внутреннихъ крѣпостяхъ имперіи, или же, наконецъ, задержки его въ здѣшнихъ тюрьмахъ по поводу вновь учиненнаго имъ преступленія и проч.). Когда преступникъ является въ Тобольскъ, Приказъ повѣряетъ его примѣты и вноситъ имя его въ другой списокъ, называемый «алфавитомъ распорядительнымъ». Въ алфавитѣ этомъ обозначается та изъ сибирскихъ губерній, въ которую назначенъ преступникъ; приказъ, при этомъ назначеніи, руководствуется особыми правилами и соображеніями. Затѣмъ онъ передаетъ ссыльныхъ въ вѣдѣніе сибирскихъ экспедицій (тобольской, томской, красноярской и иркутской), при такъ-называемыхъ статейныхъ спискахъ, гдѣ кратко обозначается преступленіе, указываются примѣты, лѣта, мѣсто родины, званіе, преступленіе и наказаніе. Четыре экспедиціи сибирскихъ губерній, назначивъ ссыльныхъ, по своимъ соображеніямъ въ округа и волости своихъ губерній, увѣдомляютъ объ этомъ Приказъ для внесенія новыхъ свѣдѣній въ «алфавитъ окончательный», а сами «за тѣмъ имѣютъ все остальное попеченіе о ссыльныхъ». Алфавитъ окончательный, для большаго удобства, ведется за каждый годъ отдѣльно и распредѣляетъ преступниковъ по мѣстамъ родины (по губерніямъ) и по родамъ преступленій. Теперь уже ни одинъ ссыльный не можетъ утратиться, какъ это бывало въ старину, до Сперанскаго: при настоящемъ порядкѣ и при той добросовѣстности, съ какими ве-

дуются списки, — о каждомъ изъ ссыльныхъ можетъ быть тотчасъ найдено въ приказѣ свѣдѣніе ¹⁾.

Нашему времени, счастливому благодѣтельными льготами и благотворными преобразованіями, достались на долю и въ дѣлѣ ссыльныхъ и тюремъ многія измѣненія къ лучшему противъ того, до чего не дошла, и не могла дойти устарѣвшая система Сперанскаго. Измѣненъ порядокъ распредѣленія ссыльныхъ по Сибири и положенъ задатокъ къ практически-полезнымъ результатамъ; отчасти потрясенъ въ утлыхъ основаніяхъ своихъ прежній способъ этапнаго препровожденія ссыльныхъ, и уже объяснилось намѣреніе правительства основать новый, на твердыхъ основаніяхъ цивилизаціи и гуманности.

Прежде на волѣ Приказа о ссыльныхъ лежали назначенія ссыльныхъ въ ту или другую губернію Сибири ²⁾, теперь предѣлы его власти и произвола приведены въ болѣе тѣсныя и опредѣленныя границы. Теперь Приказъ долженъ раздѣлять всѣхъ ссыльныхъ на четыре разряда: ссыльно-каторжныхъ, ссыльно-поселенцевъ, сосланныхъ на житье и переселенныхъ въ Сибирь въ порядкѣ административномъ ³⁾.

¹⁾ Уставъ о ссыльныхъ такимъ образомъ установилъ самую правильную цифру всего количества сосланныхъ въ Сибирь — единственную вѣрную цифру изъ всѣхъ статистическихъ данныхъ, собираемыхъ гдѣ бы то ни было и къмъ бы то ни въ Россіи. Цифра эта, предварительно заданная судебными мѣстами имперіи, контролируется потомъ личнымъ появленіемъ пришедшихъ изъ Россіи ссыльныхъ, и опредѣлительно провѣрится и окончательно устанавливается отчетами экспедицій. На статистическія данныя Тобольскаго приказа можно съ большею достовѣрностію полагаться, чѣмъ на всякія другія данныя другихъ казенныхъ нашихъ учреждений. Безпорядочность дѣлъ тюменскаго Присутствія по колодничьей части (переданныхъ въ 1842 году въ Тобольскъ) до того безнадежна, что и теперь нельзя извлечь никакой опредѣленной цифры, могущей выяснитъ количество даже всѣхъ сосланныхъ изъ Россіи въ Сибирь до 1823 года, т. е. до времени преобразованія сибирскихъ учреждений. Цифра эта такъ и пропала безслѣдно, пропала еще по тому важному обстоятельству, что прежде существовали правила, дозволявшія оставлять ссыльныхъ въ Пермской губерніи на житье; нѣкоторые отбирались для работъ на винокуренныхъ и соловаренныхъ заводахъ той же губерніи. Работа на этихъ заводахъ полагалась въ числѣ работъ каторжныхъ.

²⁾ Приказъ назначалъ по Тобольской губ. въ работу каторжную въ крѣпостяхъ и на заводахъ, въ Омскую поселенную рабочую роту, въ цѣхъ слугъ, на поселеніе, въ водворяемые рабочіе, на житье съ заключеніемъ и безъ заключенія, въ разрядъ неспособныхъ и по другимъ сибирскимъ губерніямъ почти въ томъ же порядкѣ, съ нѣкоторыми временными измѣненіями въ пользу какихъ либо государственныхъ или политическихъ соображеній (какъ напр. въ распоряженіе генер.-губернатора Восточной Сибири).

³⁾ По мнѣнію государственнаго совѣта, высочайше утвержденному 15-го іюня 1859 года.

Въ западной Сибири для ссыльно-каторжныхъ (кромя крѣпостей и Омска) нѣтъ теперь мѣста: все проходятъ дальше, въ восточную; въ западной Сибири остаются ссыльно-поселенцы, поступающіе тамъ въ казенныя работы, чтобы не бродить бездѣльно по волостямъ (какъ это дѣлалось до сихъ поръ). Сосланные на житье оставлены на прежнихъ правилахъ, пока устройство сибирскихъ поселеній и центральныхъ тюремъ не приведено будетъ въ исполненіе. Переселенные въ порядкѣ административномъ получили право жить въ западной Сибири (исключительно¹⁾), записываться въ городскія и сельскія сословія и, при хорошемъ образѣ жизни, получаютъ возможность возвратиться въ Россію (только не въ свою губернію и не въ сосѣднія съ нею).

Замѣна пѣшаго препровожденія арестантовъ перевозкою на паровозахъ, пароходахъ и на лошадяхъ постепенно вводилась въ теченіе 1865 и 1866 годовъ, а 27 января 1867 г., установлена даже должность главнаго инспектора, обязаннаго наблюдать за пересылкою арестантовъ и вводить общій, единообразный порядокъ въ дѣйствіяхъ. Для перевозки по желѣзнымъ дорогамъ отводятся арестантамъ особые вагоны, доставляющіе ихъ въ Нижній. Здѣсь, въ лѣтнее время, готовы, при буксирныхъ пароходахъ, особыя баржи (одна на 300, другая на 400 человекъ). Баржи эти представляютъ, въ уменьшенномъ размѣрѣ, подвижной пловучій этапъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и бѣльшими удобствами: для арестантовъ устроены внутри баржи три большія каюты. Надъ ними, на палубѣ, двѣ отдѣльныя рубки — носовая и кормовая. Въ носовой четыре каюты: для офицера, его канцеляріи, аптеки и лазарета; въ кормовой рубкѣ: кухня, каюта для нижнихъ чиновъ и карцеръ. Мѣсто между обѣими рубками забрано частой рѣшеткой изъ толстой проволоки и служитъ мѣстомъ для провѣтриванья трюмныхъ сидѣльцевъ. На такихъ баржахъ доставляютъ ихъ по Волгѣ и Камѣ въ Пермь разъ въ недѣлю; изъ Перми до Тюмени везутъ на троечныхъ подводахъ и отъ Тюмени до Томска (по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи) опять плаваютъ водой уже каждыя двѣ недѣли, партіями человекъ по 500, но въ баржахъ, уже не отличающихся здѣшними удобствами. На зимніе мѣсяцы, по всему главному этапному пути, отъ Нижняго на Тюмень и чрезъ Тобольскъ до Ачинска, учреждена перевозка въ повозкахъ, но за Ачинскомъ, за которымъ уже начинается такъ - называемая Восточная Сибирь, продол-

¹⁾ Могутъ эти переселенные водвориться и въ Восточной Сибири, если сами того пожелаютъ.

жаеть еще дѣйствовать старый способъ этаповъ, а съ нимъ и все остальное на старомъ же положеніи.

Нововведенія также не прямо попали въ цѣль—какъ и слѣдовало ожидать, и судя по способу приемовъ, до искомой цѣли имъ придется еще блуждать и путаться. Особенною практичностью приемовъ мы похвалиться не можемъ, искусствомъ дѣйствовать энергически и смѣло — точно также. Къ тому же, по силѣ моднаго обычая, охотнѣе изучаемъ положеніе извѣстнаго дѣла за границей и, увлекаемые безотлагательною надобностью улучшеній и измѣненій у себя,—стараемся иностранные способы внѣдрить прямо въ почву, рѣдко и поверхностно изслѣдуя ея составъ. Большою частію встрѣчаемъ либо противодѣйствующія силы, либо такую крѣпость и затвердѣлость, которыя не поддаются орудіямъ иностраннаго изобрѣтенія и приспособленія, но требуютъ новыхъ и своеобразныхъ. Также точно и въ данномъ случаѣ успѣли съѣздить за границу, не въ первый разъ присмотрѣться къ тамошнимъ приемамъ, но оглядѣться дома, поѣздить по своимъ, напр., сибирскимъ границамъ не успѣли. Къ тому же, въ Европѣ намъ и трудно найти полезныхъ указаній по части препровожденія ссыльныхъ. Тамъ вопросъ этотъ стоитъ иначе, потому что для большей части государствъ онъ не существуетъ вовсе, по недостатку колоній для ссыльныхъ; для двухъ (каковы Франція и Англія) онъ обставляется иными подробностями, для насъ неудобноисполнимыми и непримѣнимыми. Для насъ ссыльные колоніи наши не за морями и не за океанами; воспользоваться кораблями своими для этого дѣла мы не можемъ, и приемы Европы, выработанные при этомъ способѣ переправы ссыльныхъ, для насъ не могли бы послужить указаніемъ или примѣромъ. Баржи, приспособленные къ Волгѣ и Камѣ, какъ продуктъ заграничныхъ наблюденій, даже и съ желѣзными сѣтками (несомнѣнно заграничной покупки), не составляетъ еще всего искомаго, не смотря на то, что представляютъ полезную и пріятную новинку. Наши рѣки служатъ намъ только треть года; между рѣками залегли такія огромныя пространства для сухопутнаго путешествія, что подобныхъ нѣтъ уже ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. Передъ такими препятствіями не безъ причины остановились проекты побывавшихъ за границей: и въ то время, когда для Россіи на половину воспользовались кое-какими европейскими указаніями,—для Сибири вопросъ еще далеко не тронуть, оставаясь большою частію на прежнихъ положеніяхъ. Вотъ уже потребовалась отмѣна зимней перевозки, потому что и при ней «большая часть ссыльныхъ съ Кавказа, изъ южной и средней полосъ Россіи» страдаютъ болѣз-

нями, и «такимъ образомъ разслабленныя природы не несутъ съ собою задатковъ труда въ край, нуждающійся въ этомъ, а обращаются ему скорѣе въ тягость». Вредное вліяніе климатическихъ условій и суровость зимы, разрушительно дѣйствуя на здоровье большей части ссыльныхъ, вызываетъ неизбѣжную мѣру провозать арестантовъ только въ лѣтніе мѣсяцы. Когда остановились на мѣрахъ сухопутнаго передвиженія, — придумали фургона для 12 человѣкъ, послали его въ Иркутскъ для испытанія, пригласили въ число экспертовъ и самихъ арестантовъ, впрягли 4-хъ лошадей, поѣхали по каменной мостовой города, и ожидали блестящихъ успѣховъ, но — какъ часто случается у насъ — самыхъ простыхъ практическихъ соображеній не выяснили. На рисунокѣ 12 человѣкъ умѣстились красиво, на практикѣ оказалось имъ тѣсно: надо было сидѣть — не шелохнуться: хуже вагоновъ 3-го класса московской желѣзной дороги, чуть не самое каторжное испытаніе для путниковъ на тысячи верстъ и на цѣлыя недѣли. Подъ скамьями можно было запихать только тѣ вещи, которыми снабжаетъ казна (и то не всё). Но главное: не находилось подрядчика на цѣны, предложенныя казною; самый экипажъ оказался на столько тяжелымъ, что на горѣ да въ грязь и десяти лошадямъ вести его не подъ силу. Такимъ образомъ настоящіе цѣнители-практики, арестанты и подрядчики, совершенно разошлись во мнѣніяхъ съ изобрѣтателями-теоретиками. Для насъ не важна исторія фургона — мы приглядѣлись къ цѣлымъ тысячамъ таковыхъ; поучителенъ для насъ первый шагъ иркутскаго начальства въ ту сторону, куда еще до сихъ поръ не ходили, гдѣ еще не справлялись, — въ сторону темную, мало изслѣдованную, презираемую, кинутую на произволъ судьбы и во мракъ невѣдѣнія. Можетъ быть здѣсь-то именно и откроются многія причины тому множеству ошибокъ и неудачъ, о которыхъ мы упомянули мимоходомъ и на пути — именно въ эту темную и неизвѣстную сторону. На нее указала намъ нѣкогда наша добрая воля и собственное желаніе, а теперь ведетъ насъ прямо туда и послѣдовательность самаго разсказа.

Русскій народъ называлъ ссыльныхъ несчастными. Это названіе оставляемъ мы и за всѣми послѣдующими нашими разсказами, не имѣя пока никакихъ основаній для замѣны его новымъ заглавіемъ.

Вотъ эти несчастные, и прежде всего — *изъ дорогъ*.

I.

ВЪ ДОРОГЪ.

Милосердые наши батюшки,
Не забудьте насъ, невольниковъ,
Заключенныхъ, — Христа-ради! —
Пропитайте-ка, наши батюшки,
Пропитайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ!
Сожалѣйтесь, наши батюшки,
Сожалѣйтесь, наши матушки,
Заключеннымъ, Христа-ради!
Мы сидимъ во неволюшкѣ —
Во неволюшкѣ: въ тюрьмахъ каменныхъ,
За рѣшетками — за желѣзными,
За дверями — за дубовыми,
За замками — за всячими.
Распростились мы съ отцемъ, съ матерью,
Со всѣмъ родомъ своимъ — племенемъ.

«Изъ Милосердной».

Вотъ, въ какую простую форму сложилась, и какою нехитрою пѣсней сказалась просьба проходящихъ по сибирскимъ этапамъ арестантовъ, — просьба, обращаемая обыкновенно къ сердоболію обитателей сплутнаго селенія. Немного въ этой пѣснѣ словъ, не особенно богата она содержаніемъ, но слова ея не мимо идутъ, а содержаніе и складъ ея, и особенно напѣвъ, трогаютъ не одни только мягкія, настроенныя на благотвореніе сердца.

Я слышалъ эту пѣсню одинъ разъ въ жизни, но никогда не забуду того впечатлѣнія, какое оставила эта пѣсня въ моей, на тотъ разъ сильно утомленной памяти, въ моемъ усталомъ воображеніи, приглушенномъ разнообразіемъ картинъ и пораженномъ неприглядностью и несовершенствомъ этихъ картинъ.

Не помню дня, числа и часа; помню свѣтлый апрѣльскій день, весенняя теплота котораго обязала меня отворить окно и смотрѣть на дешевыя, небогатыя содержаніемъ подробности дѣловой и однообразной жизни сибирской деревни. Созерцаніе такихъ картинъ далеко не ведетъ; отъ нихъ скоро отрываешься и скоро забываешь о нихъ, ради воспоминаній прошлаго, всегда готовыхъ къ услугамъ, всегда живыхъ и свѣжихъ, и чаще всего о родинѣ, которая тогда была для меня и далекою и отдаленною.

Такъ было со мною и на этотъ разъ, въ одной изъ самыхъ дальнихъ деревень Забайкальскаго края, у окна одного изъ ея утлыхъ и старыхъ домовъ, въ которомъ засадили меня весенняя распутица и бездорожица.

Я сидѣлъ и слушалъ: и слышалъ на тотъ разъ отдаленные звуки какого-то неопредѣленно-тоскливаго напѣва и строя. Звуки эти унесли воображеніе мое на Волгу, гдѣ, ломая путину и разламывая усталую и наболѣвшую грудь жесткой лямкой, бурлакъ тянетъ свою унылую пѣсню, подлаживая къ ней свой шагъ, приурочивая свои разбитыя ноги. Сходство напѣва сибирской пѣсни съ волжской, бурлацкой, на первыхъ порахъ казалось мнѣ поразительнымъ. Но пѣсенные звуки становятся яснѣе и опредѣленнѣе, и досужее воображеніе мое спѣшитъ рисовать уже иныя картины. Вотъ, думалось мнѣ, безжалостныя подруги расплели у невѣсты дѣвичью косу, чтобы накрыть ея голову повоемъ; и вотъ она, невѣста эта, вспомнивъ скорую утрату всей своей дѣвичьей воли,

Что во нѣгѣ у матушки,
Во прохладѣ у братьцевоу, —

выливаетъ все свое горе въ пѣсенный плачь, у котораго готова только внѣшняя форма, но наружное проявленіе въ напѣвѣ всегда такое самобытное и сильное. Невѣста какъ-будто собрала въ груди все накопившее горе и всѣ слезы, и какъ-будто въ послѣдній разъ въ жизни, рѣшилась вылить ихъ всѣ вдругъ, безъ оглядки, вслухъ всѣмъ, безъ стыда и срама. Напѣвъ нашей пѣсни въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ не менѣе тоскливый, и не менѣе щемить онъ сердце. На этотъ разъ онъ показался мнѣ схожимъ съ тѣмъ, который доносился до моего слуха съ улицъ сибирской деревни. Но вотъ пѣсня послышалась еще ближе. Воображеніе успѣшило подладить къ ея напѣву другія, новыя, но знакомыя и похожія картины, — и въ воспоминаніяхъ всталъ, какъ живой, сельскій погостъ: бѣдные и покривившіеся кресты, погнившая и обвалившаяся ограда, много могилъ на погостѣ. На одной могилѣ распластался, упавши на грудь, живой человекъ; изъ груди его несется стонъ, слышатся тѣ тоскливые тоны, какими богаты всѣ могильные плачи. Однообразны эти плачи въ содержаніи, одинаковы и въ напѣвѣ. Тоскливѣе напѣва этихъ плачей я не зналъ прежде и не чаялъ встрѣтить потомъ другихъ, которые были бы равномерно законченны, одинаково вѣрны своей цѣли и своему смыслу... Но когда изъ-за угла сибирской деревни показалась толпа арестантовъ съ верховыми казаками впереди, съ солдатами по бокамъ, и когда послышалась ихъ пѣсня, вся цѣликомъ, я забылъ о всяческихъ сравненіяхъ; я бро-

силъ ихъ, какъ невѣрныя, далекия отъ образовъ, навѣянныхъ настоящею пѣснею. Тоны арестантской пѣсни сливались въ одинъ; переливы такъ были мелки, что ихъ почти нельзя было отличить и выдѣлать изъ цѣлаго. А въ этомъ цѣломъ слышался одинъ стонъ, и самая пѣсня эта показалась тогда сплошнымъ стономъ; но стоналъ на этотъ разъ не одинъ человѣкъ, — стонала цѣлая толпа. Словъ не было слышно (при всѣхъ моихъ напряженныхъ усиліяхъ я не могъ поймать ни одинаго); слова и тоны слились въ одинъ гулъ; и гулъ этотъ и стонъ щемили сердце до того, что становилось положительно жутко и неловко. Такъ и вѣяло отъ пѣсни сыростью рудниковыхъ подземельевъ, мракомъ тюремныхъ стѣнъ, свинцовою тяжестью всяческой каторги, гдѣ челоуѣку хуже и безотраднѣе, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ отчужденныхъ мѣстахъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, на всемъ земномъ шарѣ!

Цѣлые дни потомъ преслѣдовали меня мучительные звуки арестантской пѣсни, и, возвратившись теперь къ ней воспоминаніями, я не могу указать иной, которая отличалась бы болѣе тоскливымъ напѣвомъ, и смѣю увѣрить, что ни одна русская пѣсня не приурочена такъ къ выраженію внутренняго смысла въ напѣвѣ, ни одна изъ нихъ не бьетъ такъ прямо въ цѣль и въ самое сердце, какъ эта пѣсня, выстрадавшая арестантами въ тюрьмахъ и на этапахъ. На тотъ разъ кандалная партія осиливала послѣднюю сотню верстъ изъ долгаго и тяжелаго, семитысячнаго и годового пути своего. Ей оставалось идти уже немного верстъ, чтобы попасть прямо на каторгу.

Но пока колодники у насъ передъ глазами, мы отъ нихъ не отстанемъ. Мы послѣдуемъ за этой толпой, хотя она и движется вдоль улицы мучительно-медленнымъ шагомъ, едва волочить ноги; самый звукъ кандаловъ сталъ какой-то тупой, и слышный и громкій потому только, что идущая партія ссыльно-каторжная, въ которой—такъ давно и всякому извѣстно—на каждыя ноги надѣваются тяжелыя пятифунтовыя цѣпи. На этотъ разъ медленная поступь — преднамѣренная, ради сбора подацій, и вышла она торжественною потому, что всякій арестантъ увлеченъ пѣніемъ и вводитъ въ артельную пѣсню свой разбитый голосъ, чтобы такимъ образомъ мольба была общею и конечнѣе была въ сердобольныя души слушателей.

И стоитъ на улицѣ сплошной стонъ отъ пѣсни, и бережно несетъ свою пѣсенную мольбу эта густая арестантская толпа, словно боится выронить изъ нея слово, сфальшивить тономъ, и поетъ усиленно-громко, словно обрадовалась случаю торжественно и окончательно высказать вслухъ всѣмъ свое неключимое горе.

Задумались, цѣликомъ погруженные въ слухъ и вниманіе, и конные и пѣшіе: казаки и солдаты; задумались даже эти привычные люди, и задумались до того, что какъ-будто не видятъ и не хотятъ видѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ отдѣляются изъ толпы арестанты, чтобы принять подаваніе. Пѣсня возымѣла успѣхъ, достигла цѣли: подаванія до того щедры и часты, что принимающіе ихъ даже и шапку поднимать не успѣваютъ, и не поднимаютъ.

А между тѣмъ несетъ къ нимъ сильное подаваніе всякій. Несетъ и знакомая мнѣ старушка, у которой единственный сынъ погибъ на Амурѣ, которая отъ многихъ лѣтъ и многихъ несчастій вся ушла въ сердце и живетъ уже однимъ только сердобольемъ и говоритъ одними только вздохами. У ней нѣтъ (я это вѣрно знаю), нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, нѣтъ и силъ, но откуда взялись послѣднія, когда она слышала на улицѣ эту «Милосердную», откуда взялись и деньги, когда бабушка моя очутилась на глазахъ проходящихъ. Даетъ бабушка деньги изъ скопленныхъ ею на саванъ и ладанъ; даетъ она эти деньги, даетъ, стыдится — и прячется, чтобъ не видали всѣ.

За бабушкой Анисей (хотя и не костлявой, даже жирной рукой) даетъ свою обрядовую и условную милостыню торговый крестьянинъ, купецъ, вчера только успѣвшій оплестъ доврчиваго казака на овсѣ и хлѣбѣ и давно уже отдавшій всѣ свои помыслы черствому и мертвящему дѣлу «наживанья» капитала. Несетъ онъ свое подаваніе — и оглядывается; даетъ — не хоронится.

Слѣдомъ за нимъ тащитъ свой грошъ или пятакъ бѣдный шилкинскій казакъ, у котораго на то время своего горя было много: и казенные наряды безъ отдыха и сроку, и домашнія невзгоды, которыя скопилъ на казачьи головы пресловутый, тяжелый Амуръ. Даетъ арестантамъ милостыню и малютка, посланная матерью, и сама мать изъ скопленныхъ на свѣчку Богу, изъ спрятанныхъ на черный день и на недобрый часъ.

И всѣмъ имъ въ отвѣтъ, пропоютъ ужъ арестанты за деревней такую коротенькую, но сердечную благодарность:

Должны вѣчно Бога молить,
Что не забываете вы насъ,
Бѣдныхъ — несчастныхъ невольниковъ!

Этотъ конечный припѣвокъ и начальная пѣсня въ общемъ видѣ слывуть подъ названіемъ «Милосердной». Слышится эта пѣсня въ одной только Сибири; но и тамъ она извѣстна была еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ зачаточномъ состояніи — именно въ видѣ коротенькаго речитатива, на образецъ распѣвка

нищихъ и сборщиковъ подаваній на церкви: «Умилитесь, наши батюшки, до насъ бѣдныхъ невольниковъ, заключенныхъ Христа-ради». Словами этими просили милостыни *голосъ*, т. е. кричали на распѣвъ, пока искусство досужихъ не слило словъ въ пѣсню и не обязало извѣстнымъ, своеобразнымъ напѣвомъ. Въ Россіи этой пѣсни не поютъ (да здѣсь она и неизвѣстна) не потому, чтобы въ Россіи у арестантовъ отнято было право, обусловленное закономъ и освященное обычаемъ, — право просить къ недостающему казенному содержанію посильныхъ прибавокъ отъ добродотныхъ дателей; но по Россіи «Милосердную» замѣняетъ бой въ барабанъ. Этотъ бой ведетъ къ той же цѣли и обезпеченъ тѣмъ же результатомъ, хотя — по сознанію арестантовъ — и съ меньшимъ успѣхомъ.

— Дай-ка намъ (говорилъ мнѣ одинъ изъ бѣгло-каторжныхъ), дай-ка намъ эту «Милосердную» вдоль Россіи протянуть, дай-ка: мы бы сюда съ большими капиталами приходили. Барабанъ — не то...

— Хуже? — спрашивалъ я.

— Барабанъ — дѣло казенное: въ барабанъ солдатъ бьеть. Не всякому это понятно, а у всякаго отъ бою этого тоска на сердцѣ. Всякому страшно, телячья шкура того не скажетъ, что языкъ человѣчій можетъ.

Вотъ что извѣстно о путешествіи арестантовъ съ мѣста родины до мѣстъ заточенія или изгнанія:

Арестанты, сбитые въ Москвѣ въ одну партію и довѣренныя конвойному офицеру съ командою, выходятъ еженедѣльно, въ урочный день, изъ пересыльнаго тюремнаго замка.

Очутившись за тюремными воротами, на улицѣ, арестантская партія, на долгое время затѣмъ остается на виду народа, въ уличной толпѣ. Толпа эта знаетъ про ихъ горькую участь, знаетъ, что арестанты идутъ въ дальнюю и трудную дорогу, которая протянется на нѣсколько тысячъ верстъ, продолжится не одинъ годъ. Немного радостей сулитъ эта дальняя дорога, много горя обѣщаетъ она арестантамъ, тѣмъ болѣе, что пойдутъ они пѣшкомъ, въ кандалахъ, пойдутъ круглый годъ: и на лѣтней жарѣ, и на весеннихъ дождяхъ, и по грязи осенью, и на палящихъ зимнихъ морозахъ. Путь великъ, велико и злосключеніе, тѣмъ пуще и горче, что арестантская дорога идетъ прямо на каторгу, значеніе которой въ понятіяхъ народной толпы равносильно значенію ада.

«Тамъ, — думаетъ народъ, — тамъ, гдѣ-то далеко, за Сибирью, взрыты крутыя, поднебесныя горы. Въ горахъ этихъ вырыты

ямы, глубиною въ самые глубокіе рѣчные и озерные омуты. Посадятъ въ эти ямы весь этотъ повинный народъ, посадятъ на всю жизнь, одинъ разъ, и никогда ужъ потомъ не вынуть, и не выпустятъ: И будутъ сидѣть они тамъ, божьихъ дней не распознавая, Господнихъ праздниковъ не вѣдая; будутъ сидѣть въ темнотѣ и духотѣ подлѣ печей, жарко натопленныхъ, среди грудъ каменныхъ, на такихъ работахъ, у которыхъ нѣтъ ни конца, ни сроку, ни платы, ни отдыха. И изноетъ весь этотъ народъ въ скорбяхъ и печаляхъ, затѣмъ, что ужъ имъ и всякій выходъ заказанъ и родина отрѣзана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторгѣ глубока—глубока, да и запечатана. Съ цѣпи не сорвешься: казна вездѣ найдетъ. Изъ песку веревочки не совьешь, а на чужой дальней сторонѣ помрешь: и кости по родинѣ заплачутъ. И помогъ бы такому неключимому горю, да силы мало. Вотъ вамъ, несчастные горе-горькіе злочленники, моя слеза сиротская, да воздыханье тяжелое, да грошъ трудовой, кровный, авось и онъ вамъ пригодится. Пригодится хлѣбца прикупить, Богу свѣчку за свои мірскіе грѣхи поставить: онъ вамъ и путь управить и въ каторжной темной и глубокой ямѣ свѣту подастъ, силы пошлетъ и духъ вознесетъ. Прощайте, миленькіе! Вотъ вамъ и моя копѣйка нещербатая, чѣмъ богатъ — тѣмъ и радъ!»

Собираетъ арестантская партія, идучи по Москвѣ, мірскія подаванія въ примѣтномъ обилии, и отъ тѣхъ меньшихъ братій, у которыхъ сердечные порывы непосредственны и потому искренни, и у которыхъ заработная копѣйка только насущная, безъ лишка, самому крѣпко нужная. Порывы къ благотворенію въ этой толпѣ еще не приняли обыденной рутинной формы и еще не успѣли снизойти до обычая, который всегда предполагаетъ срокъ и мѣру. Порывъ толпы этой не ищетъ случайныхъ возбужденій: онъ ждетъ только напоминанья. Достаточно одного появленія арестантовъ на улицѣ, одного звука кандаловъ, чтобъ вызвать порывъ этотъ на дѣло, обратить его на безотлагательное примѣненіе. Съ народной толпы сходить на арестантскую партію не роскошная дача, тутъ рубль копѣйки не подшибаетъ. Но тѣмъ не менѣе пожертвованія идутъ справа и слѣва, въ Москвѣ: на бѣдныхъ Бутыркахъ, и въ богатомъ купеческомъ Замоскворѣчьи; на торговой Таганкѣ и въ извощичьей Рогожской. Чѣмъ больше народу на улицахъ, чѣмъ больше благопріятствуетъ погода и время года скопленію народа на площадяхъ и рынкахъ, тѣмъ и подаванія обильнѣе и ощутительнѣе для арестантской артели. Но разобрать трудно, кто подаетъ больше: случайно ли попавшійся на улицу прохожій покупатель, или прикованный къ улицѣ, ради торговли и промысла, постоянный обитатель ея, изъ

торговцевъ и барышниковъ, извоцикъ, лавочникъ и проч. Едва ли въ этомъ отношеніи не всё благотворители равноправны и равносильны; едва ли существуетъ тутъ какая нибудь примѣтная разница.

Разницы этой должно искать въ другомъ разрядѣ благотворителей, и именно тѣхъ, которые кончили уже свое дѣло на улицѣ, которымъ улица посчастливила барышомъ и капиталомъ. Благотворители эти засѣли теперь въ большіе дома и ведутъ оттуда большія дѣла. Они тоже не лишены сочувствія къ арестантамъ, но, за дѣломъ и недосугомъ, ждуть сильныхъ возбужденій. Жизнь этихъ людей, принужденныхъ искать системы и порядка, проходить размѣреннымъ шагомъ, разбитая на дни и недѣли, гдѣ каждому «дни довлѣетъ злоба его». Есть въ средѣ этихъ дней и такіе, которые по старому обычаю, по отцовскому завѣту, по случайностямъ житейскимъ, но опять-таки по предварительному и преднамѣренному назначенію, посвящены дѣламъ благотворенія. Источникъ послѣдняго лежитъ въ томъ же чувствѣ и сердечномъ убѣжденіи, которое въ давнія времена застроило широкое раздолье русской земли монастырями и церквами, и снабдило тѣ и другія громкими звонами, драгоценными вкладами, богатыми дачами. Родительскія субботы и радуницы, страстная недѣля, многіе господскіе и богородичные праздники, издавна обусловлены обязательно хлѣбною жертвою и денежнымъ подаяніемъ въ пользу страждущихъ, гонимыхъ и заключенныхъ, Христа-ради. Обычай этотъ, равно присущій и одинаково исповѣдуемый всѣмъ русскимъ купечествомъ ближнихъ и дальнихъ, большихъ и малыхъ городовъ, особенно святъ и любезенъ тому большинству его, которое, вмѣстѣ со старымъ обычаемъ, придерживается и старой вѣры. Если, съ одной стороны, сочувствіе къ несчастнымъ сильнѣе въ угнетенномъ, и вѣра въ ученіе, по смыслу котораго «рука дающаго не оскудѣваетъ», цѣлостнѣе и опредѣленнѣе въ старообрядцахъ, то съ другой стороны — зажиточная жизнь и матеріальное довольство, сосредоточенныя въ раскольничьихъ общинахъ и семействахъ, достаточно объясняютъ намъ большія жертвованія въ тѣхъ городахъ и на тѣхъ улицахъ города Москвы, которыя, по преимуществу, обстроены домами купцовъ-старовѣровъ. «Одѣнемъ нагихъ — говорятъ они въ своей пословицѣ — обуемъ босыхъ, накормимъ алчныхъ, напоимъ жаждыхъ, проводимъ мертвыхъ: заслужимъ небесное царствіе»; «денежка-молитва, что острая бритва: всё грѣхи сбрѣтеть»; а потому «одной рукой собирай, а другой раздавай», ибо «кто сирыхъ питаетъ — того Богъ знаетъ», а «голаго взыскать: Богъ и въ окошко подастъ». Эти правила-пословицы дошли до насъ

отъ давнихъ временъ нашей исторіи, когда народъ нашъ понятіе о ссыльныхъ и тюремныхъ сидѣльцахъ безразлично смѣшалъ съ понятіемъ о людяхъ несчастныхъ, достойныхъ состраданія. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ, характернѣе другихъ рисуящемъ положеніе ссыльныхъ (относящемся къ концу XVII вѣка) мы находимъ очевидное свидѣтельство тому, что нашъ народъ издавна обнаруживалъ готовность посильнымъ приношеніемъ и помощью усладить тяжелые дни жизни всякаго ссыльнаго.

Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ и сильныхъ противниковъ Никона, находилъ и въ Сибири помощь, и отъ воеводской семьи, жены и снохи («пришлютъ кусокъ мяса, иногда колобокъ, иногда мучьки и овсеца»), и отъ воеводскаго прикащика («мучьки гривенокъ съ 30 даль, да коровку, да овечекъ съ 5—6, мяско»). На Байкалѣ, незнакомые, встрѣчные русскіе люди, надѣлили пищею, сколько было надобно: «осетровъ съ 40 свѣжихъ привезли, говоря: вотъ, батюшко, на твою часть, Богъ, въ запорѣ, намъ даль: возьми себѣ всю»; починили ему лодку, зашили парусъ, и на дорогу снабдили всякимъ запасомъ. Въ Москвѣ благодѣялъ самъ царь съ царицею и боярами (пожаловалъ царь 10 рублей денегъ; царица 10 рублей денегъ; Лука, духовникъ, 10 рублей же; Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублей же; а Ѳеодоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублей казначею своему велѣлъ въ шанку мнѣ сунуть»).

Это участіе и эта помощь ссыльнымъ—совершенно неизвѣстные въ западной Европѣ—у насъ чувства исконныя и родовыя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чувство благотворенія возросло и укрѣпилось въ народѣ именно въ то время, когда для ссылки назначили такую страшную даль, какова Сибирь, и для ссыльныхъ людей, такимъ образомъ, усложнили страданія, потребовавъ отъ нихъ большого запаса силъ и терпѣнія. Только при помощи этого благотворнаго участія, облеченнаго въ форму матеріальной помощи, могли наши ссыльные (и первые и позднѣйшіе) отчасти противостоятъ всѣмъ вражѣимъ силамъ, исходящимъ въ одно время и изъ суровой природы и отъ жестокихъ людей. Въ примиреніи этихъ двухъ враждебныхъ и прямо-противорѣчивыхъ началъ (каковы общественное участіе съ одной стороны, и слишкомъ ревностное и черезъ-чуръ суровое исполненіе службы приставами съ другой), въ стараніи восполнять, избыткомъ участія однихъ, крайній недостатокъ того же у другихъ: во всемъ этомъ провели большую часть своей изгнаннической жизни наши первые ссыльные. Свой опытъ и свои приемы они успѣли завѣщать и позднѣйшимъ несчастнымъ. Обѣ силы, и враждебная и благодѣющая, успѣли изжить долгіе годы и уцѣлѣть до нашихъ дней, въ томъ

цѣльномъ (хотя отчасти, можетъ быть, и въ измѣненномъ видѣ), что насъ уже особенно и не дивять денежныя пожертвованія, высланныя въ послѣднее время изъ-за тюремныхъ стѣнъ на помощь страдающихъ, внѣ ихъ, отъ голода.

Во всѣ времена нашей исторіи и въ особенности въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, правительству представлялась возможность крѣпко опираться на добровольныя приношенія жертвователей и даже подчинять раздачу ихъ различнымъ узаконеніямъ. Такъ, напр., когда замѣчено было (въ 1767 г.), что подаеніе колодникамъ не выдается, а зачисляется въ кормовую дачу, — велѣно наблюдать, чтобы изъ подаенія въ руки каждаго колодника доходило не болѣе 3 коп. на день. Если затѣмъ явится остатокъ, то на него снабжать нужною одеждою. Не смотря однакожь на это и на то, что по закону арестантъ не имѣетъ права имѣть при себѣ деньги (и для этого установлены обыски), не смотря на то, что давній опытъ указалъ на ненадежнаго посредника съ завистливымъ и алчнымъ окомъ, — жажда благотворительности не устаетъ, и не прекращается. Даже какъ будто возрастаетъ она по мѣрѣ того, какъ усложняются противодѣйствующія силы и неблагопріятныя причины.

Обусловливая свое религіозное чувство всякими подкрѣпляющими правилами, взятыми отъ св. писанія и изъ вѣковыхъ вѣрованій, жертвователи изъ торгующаго сословія Россіи, помимо урочныхъ, обязательныхъ дачъ, идутъ на благотвореніе и въ другія времена, но не иначе, какъ возбужденные и вызванные какимъ-нибудь внѣшнимъ признакомъ, напоминаемъ. Арестантская партія въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ, по волѣ и по дозволенію начальства, къ единственному, доступному имъ средству. Въ Россіи—это барабанный бой, производимый конвойнымъ барабанщикомъ; въ пути по Сибири — пѣніе «Милосердной», производимое всею путешествующею артелью арестантовъ. Въ Москвѣ, гдѣ, по сознанію всѣхъ ссыльныхъ, идутъ особенно обильныя и богатая подаенія, эти вызовы тѣмъ болѣе необходимы, что маршрутъ идетъ стороною отъ тѣхъ улицъ, гдѣ по преимуществу сгруппировались домами тароватые богачи. Имена, отчества и фамиліи богачей-благотворителей помнятъ ссыльные и на каторгѣ. Вотъ что я слышалъ тамъ:

— Въ нашей партіи на каждаго человѣка по тридцати рублей привелось, и все съ Москвы одной. Мы на первомъ этапѣ дуванъ дуванили (дѣлежь дѣлали). Пр — въ да С — въ такія жертвы кладутъ, что вся партія дивится. Пр — въ въ Преображенскомъ далъ всѣмъ ситцу на рубахи, да по три рубля на брата, да въ

Богородскомъ наказаль дать серпянки на штаны и по рублю денегъ.

— Москва подавать любить: меньше десятирублевой рѣдко кто подаетъ. Именинникъ, который выпадетъ на этотъ день, — тотъ большѣ жертвуетъ.

— Владиміръ-городъ (сказывали мнѣ другіе каторжные) всѣхъ городовъ хуже: подаваніе сходитъ малое. Вязники Владиміра лучше, но тоже не изъ щедрыхъ. Нижній Вязники перехвасталь: на Нижнемъ Базарѣ жертва большая. И нѣту городовъ богаче и къ нашему брату арестанту сердобольше, какъ Лысково село, Казань-городъ, Кунгуръ, Екатеринбургъ, Тюмень; а все отъ того, что въ городахъ этихъ старовѣровъ много живеть. На подаванія они не скупаются...

— Я вотъ (грѣшный челоуѣкъ!) хмѣлемъ еще зашибаюсь, а и то въ дорогѣ накопиль ста два рублей и сюда принесъ: съ тѣмъ и жизнь свою каторжную началъ, а накопиль бы и триста, кабы не вензюбель. Поселенцы каторжныхъ бережливѣй, такъ тѣ и по пятисотъ рублей накопляютъ.

Помимо этихъ добротныхъ подаваній и казенныхъ кормовыхъ копѣекъ, выдаваемыхъ арестантамъ на руки, партіи иныхъ стороннихъ доходовъ имѣютъ уже немного. Во время остановокъ по тюрьмамъ, они получаютъ иногда подаванія натурой, съѣстными припасами, но отъ этого все-таки артельному капиталу не прибавокъ, при всемъ желаніи и стараніи арестантовъ. Существуетъ для партій еще одинъ доходъ денежный, но доходъ этотъ, при крайней оригинальности и неожиданности своей, случайный и не всегда вѣрный и благонадежный.

Извѣстно, напр., что за нѣсколько верстъ до большихъ губернскихъ городовъ на встрѣчу партіи выѣзжаетъ бойкій на языкъ, ловкій и юркій въ движеніяхъ молодець, въ сибиркѣ и личныхъ сапогахъ, который обыкновенно оказывается прикащикомъ или повѣреннымъ того купца, который снимаетъ казенный подрядъ на поставку арестантамъ зимней одежды. Молодець этотъ обыкновенно находится въ короткихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ партіоннымъ офицеромъ и съ вѣдома его ведетъ такое дѣло, которое ему привычно и для арестантовъ выгодно. Онъ предлагаетъ арестантамъ продать ему имѣющееся на нихъ теплое платье, обыкновенно полушубки, полученные немного времени тому назадъ и въ недалеомъ губернскомъ городѣ, при поступленіи въ пересыльную партію. Даетъ онъ немного, но даетъ наличныя деньги, и при этомъ беретъ даже и крѣпко подержанные полушубки, замѣняя ихъ тою рванью, которую привозитъ съ собою и изумляя только однимъ, именно, необыкновенною ловкостью

въ покупкѣ, умѣнемъ сойтись и убѣдить арестанта на сдѣлку, для него и для нихъ выгодную. Весь процессъ перекупки совершается въ какихъ-нибудь три или четыре часа, и притомъ не смотря на количество пересыльныхъ: обстоятельство, приводящее всѣхъ въ изумленіе. Выѣзжая на бойкомъ рысачкѣ¹⁾, молодецъ этотъ успѣваетъ привезти и сдать купленные вещи хозяину, хозяинъ отвезти и сдать податливому начальству прежде, чѣмъ оно успѣетъ осмотрѣть партію, прежде чѣмъ партія эта придетъ въ городъ. Дальше дѣло немудрое. Полушубки, подвернутые въ казну ловкимъ перекупнемъ, поступятъ опять на тѣ же плечи, съ которыхъ третьяго дня собраны, даже рѣдко исправленные, рѣдко измѣненные къ лучшему.

— По крайности, обнашивать не приходится: меньше полушубокъ отшибаетъ той дрянью и запахомъ, безъ которыхъ ни романовскимъ, ни казанскимъ овчинамъ не жить,—думаютъ арестанты и остаются довольными.

— Хоть и рискованное дѣло прикащикъ обдѣлалъ, а все же и рубль на рубль нажилъ: и слава Богу! въ коммерціи нашей безъ этого нельзя, — думаетъ въ свою очередь плутоватый подрядчикъ, самодовольно разглаживая бороду и отпаривая животъ дешевымъ и привычнымъ чаемъ и всякими трактирными благодатями.

— Къ казенному жалованью не лишнее придатокъ получить дѣтишкамъ на молочинку,—смекаютъ про себя третьи, и, довольные другъ другомъ, ведутъ подобныя операціи уже не одинъ годъ и не въ одномъ мѣстѣ.

Ведутъ подобныя операціи съ полушубками и безъ огульнаго участія всѣхъ ссыльныхъ, предлагая принять артельному старостѣ въ большой кучѣ даже и такіе коротенькіе и узенькіе, что и на подростковъ-ребятъ не годятся. Вся суть дѣла на этотъ разъ заключается въ томъ, чтобы соблюсти форму, и записать вещи въ расходъ. У ссыльныхъ большею частію полушубки хорошіе, ибо обношены и не смердятъ: съ таковыми-то пожалуй ему и разставаться жалко, а полученные вновь арестанты имѣютъ право продать тутъ же; тотъ же подрядчикъ охотно ихъ купить, чтобы опять всучить ихъ въ тюремный цейхгаузъ¹⁾.

Словомъ — довольны всѣ дважды, но разумѣется довольнѣе всѣхъ остаются арестанты, и потому, что видятъ заботливость

¹⁾ Подъ Тобольскомъ въ подспорье мошвѣ ссыльныхъ существовалъ такой обычай: на послѣдней станиці кандалы у поселщиковъ покупали заранее, потому что, по приходѣ въ городъ здѣшній желѣза обыкновенно велѣли снимать и бросать въ кучу, которая разумѣется никогда не провѣрялась.

начальства (какова она ни на есть), и потому, главное, что имѣютъ капиталъ въ размѣнной ходячей монетѣ. Она имъ нужна, нужна до зарѣзу и крайней безвыходной необходимости. Для арестантовъ по дорогѣ много соблазновъ: и предугаданныхъ, и неожиданныхъ. Одинъ этапный командиръ нѣкогда держалъ, напр., кабакъ (и поэтому этапъ его, помимо казеннаго, носить другое названіе — пьянаго) и рассчиталъ правильно; давая изъ личныхъ выгодъ возможную свободу партіи, онъ заставлялъ ее упиваться и пропиваться до нитки, до послѣдняго алтына. Арестанты тѣмъ охотнѣе дѣлали это, что вскорѣ за этапомъ пьянымъ выходилъ на дорогу новый богатый городъ Кунгуръ, щедрый на милостыню и подавня. Тѣ и другіе пополняли истощенные капиталы, которые вскорѣ опять усиливались денежными дачами отъ старообрядцевъ въ Екатеринбургѣ и Тюмени.

Деньги, всесильныя, могущественныя, творящія чудеса, деньги освѣщаютъ этапный путь, богатый мракомъ, и спасаютъ арестантовъ отъ множества непредвидѣнныхъ злослученій. Безъ денегъ и на этапахъ началась бы каторга; безъ нихъ тяжела бы стала путевая жизнь и подневольная и зависимая. Знаютъ это начальники—и берутъ, знаютъ это арестанты—и даютъ деньги за все, за что потребуютъ уже установившійся обычай и безпредѣльный, безграничный, безсовѣстный произволь. Произволь и обычай сдѣлали то, что этапная жизнь арестанта сдѣлана изъ разнаго рода и вида притѣсненій и вымогательствъ. Тутъ мы видимъ цѣлую систему, которая за долгое время успѣла установиться и опредѣленно выясниться. Выяснилась она, по нашему крайнему разумѣнію, въ такой формулѣ: всякій человѣкъ по всяческому праву ищетъ свободы; но лишенный ея—еще сильнѣе и настойчивѣе. Отъ тебя зависитъ моя свобода. Полной свободы ты мнѣ дать не можешь; не въ твоихъ это силахъ, не въ твоемъ это правѣ; ты самъ мало свободенъ. Но ты человѣкъ тертый, бывалый, а потому смѣлый. Дашь себѣ немножко труда, и можешь удѣлить намъ частицу, кусочекъ этой свободы. Смѣлости и рѣшимости тебя не учить; а намъ все равно; мы сдумѣемъ обмануть себя, не разъ обманутые въ жизни, и частицу твоего права и твоей свободы примемъ за цѣлое. Но ты не хочешь, отчасти не можешь, дать намъ этого даромъ. Ты просишь вознагражденія за ту рѣшимость, за ту жертву, которыми рискуешь ради меня: возьми! Возьми, сколько потребуешь, сколько это въ силахъ нашихъ! Но дай намъ подышать этой волей хоть на тотъ же пятакъ или грошъ, какими оцѣнилъ ты эту волю. Знаемъ, что мы обманываемъ себя; знаемъ, что завтра же придется намъ горько и слезно посмѣяться надъ собой, болѣзненно пожалѣть о

затраченныхъ деньгахъ; попенять на себя за малодушіе: птичьего-де молода захотѣли, но сегодня мы хотимъ забыть о кандалахъ и о заднихъ и переднихъ этапахъ. Сегодня мы только люди, имѣющіе деньги, а завтра, пожалуй, варнаки, чалдоны, храпы. Но сегодня мы пьемъ и пляшемъ во всю ивановскую, потому что добыли, на этотъ разъ, за деньги не покупное, завѣтное наше право.

Покупаютъ арестанты все; даже право на подаваніе не всегда достается имъ даромъ, и оно иногда требуетъ со стороны партіи денежной жертвы. Денежныя жертвы со стороны арестантовъ пойдутъ потомъ въ безконечность, но начало имъ все-таки въ самомъ началѣ пути.

Еще въ Москвѣ, тотчасъ по выходѣ партіи ссыльныхъ изъ пересыльнаго тюремнаго замка, бывалые этапные начальники спѣшили заявлять и объяснять тѣ начала, которыми будутъ руководствоваться они сами, а потомъ всѣ остальные товарищи ихъ, ближніе и дальніе этапные командиры.

— Какими васъ, ребята, улицами вести? — спрашивалъ бывало свою партію опытный этапный.

— Хорошими, ваше благородіе, — отвѣчали бывалые изъ арестантовъ.

— Соблаговолите въ барабанъ бить, и прохладу дайте — прибавляли опытные изъ нихъ.

— Прохлада 50 рублей стѣить; барабанъ столько же. Стало, ровно сто на меня, да десять на ундеровъ, по рублю на рядовыхъ, согласны-ли? — говорилъ офицеръ.

— Идетъ! — отвѣчали бывалые изъ арестантовъ, съ полною готовностью, когда на дворѣ праздникъ и не стояла глухая лѣтняя пора; и начинали торговаться, если на ихъ сторонѣ не было такихъ сильныхъ и благопріятныхъ условій.

Свѣжіе, мало опытные арестанты задумаются, удивятся такому риску, такой рѣшимости, зная, «что изъ казенной семитки такихъ денегъ не выкроишь, хоть всѣ иди въ складчину»; но не дойдутъ еще до заставы Рогожской, сомнѣнія ихъ разобьются. Партія пойдетъ медленнымъ, замѣчательно медленнымъ шагомъ, и пойдетъ притомъ не тѣми улицами, которыя ведутъ прямо въ Рогожскую заставу и по маршруту, но тѣми, которыя по преимуществу наполняются торгующимъ народомъ или обставлены домами купцовъ-благотворителей (имена этихъ благотворителей помнятъ ссыльные и на каторгѣ, а дома ихъ хорошо знаютъ и командиры и сами арестанты). Идетъ партія въ неизмѣнномъ, разъ нарисованномъ и навсегда установленномъ порядкѣ: впереди ссыльно-каторжные въ кандалахъ; въ срединѣ ссыльно-посе-

ленцы, безъ оковъ ножныхъ, по прикованные по рукамъ къ цѣпи почетверо; сзади ихъ, также прикованныя по рукамъ къ цѣпи идутъ ссылаемыя на каторгу женщины; а въ хвостѣ неизбѣжный обозъ съ больными и багажемъ, съ женами и дѣтьми, слѣдующими за мужьями и отцами на поселеніе. По бокамъ, и впереди, и сзади идутъ неизбѣжные конвойные солдаты, и ѣдутъ отрядные конвойные казаки. Смотрите на картину эту въ любую среду (часа въ 4 пополудни), въ Петербургѣ, у Владимірской (хоть, напр., въ Кузнечномъ или Демидовомъ переулкахъ); послѣдите ее за Москвой, за Екатеринбургомъ; посмотрите на нее подъ Тобольскомъ; все одна и та же, разъ заказанная и нарисованная картина, только, можетъ быть, кое-когда, окажется пробѣль на мѣстѣ казаковъ. Въ этихъ картинахъ, со временъ Сперанскаго, замѣчательно постоянство и однообразіе.

Привычный, не разъ присмотрѣвшійся, усмотритъ, пожалуй, во всей этой форменности нѣкоторую фальшь и натянутость, которая стягивается и вытягивается во время прохода партіи городами, и распускается, развертывается свободнѣе и красивѣе за городомъ въ полѣ. Такъ, конечно, и должно быть. Разглядѣть не трудно, что эта подтянутая и поддѣльная форменность существуютъ только для Россіи и въ Россіи¹⁾; въ Сибири арестанты идутъ вольнѣе и распущеннѣе. Тамъ за параднымъ порядкомъ не гонятся, чѣмъ прेमного обязываютъ арестантовъ, которые больше довольны дорогами сибирскими, чѣмъ русскими, и прибавляютъ:

— До Тюмени идемъ, несемъ кандалы на помочахъ, а помочи надѣваемъ прямо на шею — по-россійски. И давятъ кандалы шею, давятъ плечи; а имъ и безъ того на ходу тяжело: все онѣ ноютъ. По Сибири несемъ кандалы на ремешкѣ, на поясу — по-сибирски легче!

— По Сибири вольнѣе идемъ, легче и думаемъ. А думаемъ такъ: если, моль, начальники къ тебѣ милостивѣй стали, значить въ свою сторону пришелъ; и если, моль, не совсѣмъ она тутъ, то теперъ уже близко.

— Сибирь тѣмъ хороша, что врать не велитъ. Въ Расаѣ смиреніе напускай, — за угломъ дѣлай, что хочешь; въ Сибири

¹⁾ Одному художнику, желавшему уловить характерный беспорядокъ путешествующихъ арестантовъ, такъ и не удалось положить основной фонъ для будущей картины. Выѣзжалъ онъ и въ поле, радѣлъ ему и конвойный офицеръ, но арестанты все-таки вытягивали мертвый солдатскій фронтъ, выстраивали шеренги. Художникъ припужденъ былъ ограничиться личной фантазіей и далъ картину, мало напоминающую этапный растахъ въ его настоящемъ, правдивомъ видѣ.

иди какъ хочешь и каковъ ты есть, не притворяйся: не заставляють.

— Въ Россіи думаютъ, что ты самый худой человѣкъ, коли «часы потерялъ, а дѣпочкой обзавелся», а въ Сибири знаютъ, что мы не хуже другихъ, не лучше другихъ! Живутъ и на волѣ люди хуже тебя, а идешь ты на канатѣ за тѣмъ только, что проще другихъ — глупѣе, говорить надо; значить — попался, хоронить концовъ не умѣлъ...

До Тобольска партіи идутъ въ полномъ составѣ, т. е. такъ же, какъ снимаются съ мѣстъ: женщины отъ мужчинъ не отдѣляются, давая такимъ образомъ возможность видѣть почасту на подводахъ, слѣдующихъ за партіей, мужчинъ и женщинъ, сидящими вмѣстѣ. Понимающіе дѣло знаютъ, что это — счастливыя четы любовниковъ, успѣвшихъ за долгую дорогу перемолвиться, и войти въ сношенія между собою и съ этапными. Съ послѣдними для того, чтобы имѣть возможность приобрести право принанять за собственныя деньги лишнюю подводу. Любовнымъ изъясненіямъ не препятствуетъ при этомъ то, что почасту подвода нанимается въ складчину и стало-быть на однѣ сани садятся по двѣ и по три пары. По словамъ знающихъ людей, женщины-преступницы вырабатываютъ на этапахъ особое душевное свойство, которое мѣшаетъ имъ любить одного и служить на такой долгій срокъ, какой полагается для перехода партіи до Тобольска. Этапная любовница особенной охоты къ супружескимъ узамъ не показываетъ; она рѣдко остается вѣрною тому, кто первый подвелъ подъ ея преступное сердце мину и не много подольше любить развѣ только того, кто съ ловкостью соединяетъ важную и существенную доблесть. Дobleсть эта для ссыльной женщины заключается въ бережливости, а послѣдняя обезпечиваетъ всегда туго-набитый денежный карманъ. Большинство женщинъ идетъ въ Сибирь за поджоги или за убійство дѣтей, а оба эти преступления вызываются ревностью и обнаруживаются въ ссыльной женщинѣ присутствіе пылкихъ страстей. Страсти эти съ одной стороны послужили къ погибели и ведутъ на каторгу, съ другой — изъ пересыльной женщины дѣлаютъ легкую добычу для аматѣровъ. Любители эти — по большей части этапные солдаты — (на полуэтапахъ, напр., бабы — по уставу — ночуютъ въ солдатской караульнѣ), меньшая половина — товарищи-арестанты. Впрочемъ не рѣдки случаи и постоянства въ любви въ формѣ даже какъ будто гражданскаго брака въ тѣхъ случаяхъ, когда защемить женское сердце тотъ молодецъ, который сосланъ безъ срока на каторгу, а стало быть не имѣетъ права вступать въ бракъ раньше 11 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе эти связи нельзя не считать въ числѣ

главныхъ причинъ, что съ этаповъ не бѣгутъ и крѣпко держится народъ обоего пола за невеселый канатъ.

Наблюдающіе за томскимъ острогомъ согласно свидѣтельству-ютъ о томъ, что пересыльные арестанты, пользуясь удобствомъ размѣщенія оконъ, выходящихъ на дворъ противъ бани, цѣлые часы простаиваютъ на одномъ мѣстѣ, любясь издали на моющихъ въ банѣ арестантокъ. Подкушъ для достиженія желаемой цѣли почти всегда дѣйствителенъ; иногда употребляется и насиліе. Въ тюремномъ острогѣ арестанты ловко прячутся за двери, чтобы выждать выхода женщинъ; женщины настойчиво лѣзутъ къ мужчинамъ и артелями (человѣкъ въ 20) дѣлаютъ правильныя вылазки, особенно въ больницу. Одинъ фельдшеръ попробовалъ помѣшать; ему накинули на голову платокъ и долго щекотали его до тѣхъ поръ, пока ему не удалось вырваться, изъ весьма опаснаго для жизни его положенія, словомъ—пока онъ по-стыдно не бѣжалъ.

Этапы во всякомъ случаѣ представляютъ больше удобствъ для сближеній на случай любовныхъ интригъ. Такъ объясняютъ и сами арестанты:

— А не выгоритъ дѣло, — не удадутся хлопоты?

— Тогда мы въ разбивку идемъ.

— Чтò-жъ это значить?

— Въ большомъ городѣ или на хорошемъ этапѣ къ лазарету пристроиваемся. Господа дохтура къ нашему брату жалостливы: отдыхать позволяютъ. А то, такъ и фелшаровъ покупаемъ: эти люди дешевые, на деньги слабые.

— Ну, а дальше что?

— Въ лазаретѣ ждешь — навѣдываешься, когда больше бабъ набралось, женская партія изъ Тобольска проходитъ. У зрителя тюремнаго выпросишься, три рубля серебромъ подаришь ему успѣха-ради: онъ тебя къ женской партіи и припишетъ, на то законъ есть. И пойдешь съ бабами. Дорого это, да что дѣлать?! Фелшаръ, однако, дешевле зрителя. Этотъ за четвертакъ на койку положить, за двугривенный выпустить ¹⁾.

— Кто до женскаго полу охотникъ (разсказывали намъ многіе другіе арестанты), тому траты большія; тому денегъ надо много. Деньги ему надо на подводы; надо всякому солдату дать;

¹⁾ Замѣчено, что женщины родятъ, до прихода въ Тобольскъ, дорогой. Придя въ приказъ, просятъ вступить въ бракъ или назначить въ одну губернію съ возлюбленнымъ. «Были даже неоднократные примѣры, что оставшіе на родинѣ жену или мужа съ дѣтьми и не лишеныя всѣхъ правъ состоянія и слѣдовательно не расторгнутые въ бракѣ, просили при жизни еще кого-либо изъ супруговъ о вступленіи въ новый бракъ съ лицомъ, въ одной партіи идущимъ»—свидѣтельствуетъ одна официальная бумага.

офицеру — статья особенная. Опять же на водку изведет онъ денегъ двойное, а не то и тройное количество. Смотрите-ка: во сколько ему дорога-то обойдется! А дорога дальняя, трудная. По Сибири денежныя подаянія меньше, все больше харчемъ да вздохами. Коли не скопиль денегъ въ Россіи, въ Сибири не наживешь. Такъ и знай!

— Въ Сибири наживаются деньги одни только майданчики (т. е. откупщики)¹⁾. Майданщику и баба другой стороной кажетъ: въ ней онъ пользу видитъ и по портняжному дѣлу. Во всякой рухляди каторжному большая нужда настовать.

— Ктò же шьетъ, когда въ партію не попадутъ бабы?

— Пьянаго народу въ партіи всегда больше бываетъ, нечѣмъ трезвыхъ. Такихъ совсѣмъ почти нѣтъ. А шьетъ народъ, такъ и пропивается, а затѣмъ и забираетъ въ долгъ у майданщика и табакъ и водку. А забралъ, такъ и плати чѣмъ сможешь, кто какое ремесло съ собой унесъ: портной ты — иглой ковыряй; сапожникъ — дратву въ зубы, и все такое. Въ каждой партіи рѣдкій кто ремесла не знаетъ: и ужъ во всякой партіи по каждой части найдется доточникъ. Такъ это все майданчики и разумѣютъ, и припасъ покупаютъ мастерамъ сами въ деревняхъ у крестьянъ. Оттого у майданщиковъ навсегда деньгамъ водъ большой; майданщикъ первый богачъ въ свѣтѣ. Копѣйка у него сильная, да и та алтыннымъ гвоздемъ прибавается. Такіе ужъ и люди на это дѣло идутъ, особенные.

Въ Тобольскѣ ожидаетъ этапныя партіи тюрьма и въ ней отдыхъ. Тобольская тюрьма самая большая, самая просторная изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи, по пути арестантовъ. Отдыхъ или пребываніе въ этой тюрьмѣ самое продолжительное изъ всего времени, назначаемаго для растаховъ (отдыховъ). Въ Тобольскѣ, какъ извѣстно, со времени учрежденія сибирскихъ губерній по проектамъ гр. Сперанскаго, существуетъ Приказъ о ссыльныхъ, учрежденный вмѣсто «Общаго по колодничьей части присутствія», бывшаго до 1823 года въ городѣ Тюмени. Приказъ занимается сортировкой всѣхъ ссыльныхъ по разрядамъ, назначаетъ опредѣлительно мѣста ссылки, провѣряетъ частные статейные списки и составляетъ новые. Употребляя на это значительное количество времени, Приказъ такимъ образомъ даетъ арестантамъ нѣкоторую возможность перевести духъ, придти въ сознаніе, сообразить прошедшія и отчасти будущія обстоятель-

¹⁾ Это — денежные и ловкіе изъ арестантовъ, снимающіе подряды на содержаніе и продажу водки, картъ, съѣстного и пр. Но объ нихъ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ, въ слѣдующей главѣ.

ства жизни. Тобольская тюрьма, однимъ словомъ, играетъ весьма важную роль во всей этапной жизни арестантовъ. Знающіе люди примѣчаютъ, что арестанты выходятъ оттуда опытнѣе; артели ихъ устроиваются плотнѣе и прочнѣе. Тюрьма эта, богатая событіями разнаго рода и вида, дающая превосходный и разнообразный дневникъ происшествій, является чѣмъ-то центральнымъ, какимъ-то высшимъ и важнымъ мѣстомъ, гдѣ арестанту преподается всякая наука, дается всякое поученіе, столь необходимыя для исключительнаго его положенія, для его новой жизни, въ новой странѣ и при новыхъ условіяхъ быта. Рядомъ съ разбивкой по отдѣламъ, по разрядамъ, за тюремой идетъ все тотъ же порядокъ, какой былъ установленъ на прежнихъ этапахъ, но съ тою только разницею, что теперь порядокъ этотъ имѣетъ уже опредѣленныя, законченныя формы и правила. Рядомъ съ правомъ Приказа назначать пересыльныхъ арестантовъ на разныя городскія работы, существуетъ побѣгъ и изъ тюрьмы и съ этихъ работъ ¹⁾. вмѣстѣ со строгостью тюремнаго заключенія и надзора шло объ руку дѣланіе фальшивой серебряной монеты, составленіе фальшивыхъ видовъ, паспортовъ и печатей. Тюрьма тобольская, не смотря на то, что играетъ какъ-будто неопредѣленную роль, какъ мѣсто временнаго помѣщенія, какъ бы роль проходнаго, только постоялаго двора,—важна для проходящихъ партій главной стороною своей: коренной и самостоятельной наукой — наукой жизни въ ссылкѣ, на каторгѣ, на поселеніи, на тѣхъ же этапахъ. У тобольской тюрьмы своя исторія, оригинальная и поучительная исторія, могущая служить прототипомъ для всѣхъ російскихъ тюремъ. Это—резервуаръ, куда стекаются всѣ нечистоты, сконившіяся во всѣхъ другихъ русскихъ тюрьмахъ. Ее и на каторгѣ разумѣютъ въ томъ же смыслѣ, какъ разумѣютъ Москву другіе города, торгующіе тѣмъ же товаромъ, по тѣмъ же самымъ приемамъ и законамъ. Тобольская тюрьма сама даже нѣкогда исполняла роль каторжнаго мѣста и соблюдала въ своихъ стѣнахъ прикованныхъ на цѣпь, къ тачкѣ, и проч. (но объ ней скажемъ отдѣльно).

Въ тобольской тюрьмѣ арестантскія партіи дѣлятся на десятки, для каждаго десятка назначается особый начальникъ — десятскій; надъ всѣми десятскими—главнокомандующій староста, выбираемый всею партіею. Приказъ о ссыльныхъ утверждаетъ выборъ и затѣмъ уже ни одинъ этапный офицеръ не имѣетъ права смѣнить старосту, развѣ только пожелаетъ этого вся пу-

¹⁾ Съ этаповъ арестанты не бѣгутъ, — какъ уже сказано и какъ узнаемъ еще объ этомъ впоследствии.

тешествующая община арестантовъ. Староста этотъ обыкновенно собираетъ подаянія, когда несутъ таковыя по пути; онъ же ходитъ съ конвойнымъ по дворамъ тѣхъ селеній, гдѣ стоитъ этапъ и когда назначена въ немъ днѣвка.

Изъ тобольской тюрьмы арестантъ идетъ богачемъ, съ запасомъ новыхъ свѣдѣній насчетъ своего общественнаго значенія и съ запасомъ новыхъ вещей насчетъ казеннаго интереса. Въ мѣшкѣ у него появляются двѣ рубахи, двое портовъ; на плечахъ новый армякъ изъ сѣраго сукна, съ единошерстнымъ родичемъ — штанами и на ногахъ бродни — не сапоги и не калоши — обувь сибирскаго изобрѣтенія и вкуса, простая, но недолговѣчная. На зимнее время движимое имущество его еще больше возрастаетъ въ силу требованій суровой страны: на плечи — тулупъ, на руки варежки и голицы, на ноги суконныя портянки, на голову треухъ — ту уродливую шапку на манеръ башлыка, которую любятъ въ дорогѣ, по глухимъ мѣстамъ Россіи, старики-попы и торгующіе крестьяне. Имущество это арестантъ можетъ уберечь, можетъ и продать кому угодно, — охотниковъ много: тотъ же конвойный солдатъ, свой братъ торговецъ-майданчикъ, крестьянинъ спопутной деревни и проч. Тулупъ идетъ не выше двухъ рублей, но бываетъ и дешевле полтинника, цѣна бродней колеблется между трехгривеннымъ и двумя двугривенными, рукавицы (т. е. и шерстяныя варежки и кожаныя голицы вмѣстѣ) не выше двугривеннаго. Продають больше по частямъ, но можно и все разомъ, особенно если подойдетъ дорога подъ большой губернской городъ. Тамъ разговоръ извѣстный: скажешь, что потерялъ, проѣлъ, товарищи украли; выпорютъ за это непременно, потому что арестанту безъ этого прожить невозможно, а новыми вещами снабдать также непременно, потому что казнѣ безъ этого нѣтъ иного выхода, было бы нечего дѣлать. Одевка такимъ образомъ производится въ каждомъ губернскомъ городѣ, а проматываніе вещей существуетъ во всей силѣ, не смотря на указы, изъ которыхъ первый изданъ былъ еще въ 1808 году.

Тобольская тюрьма на этапный путь производитъ то вліяніе, что составу партій даетъ иное направленіе. До сихъ поръ шли по Россіи все вмѣстѣ, отсюда пойдутъ отдѣльно: каторжные — своей партіей, посельская партія особо, женщины, по указу 1826 года, также въ своей, отдѣльной партіи. Потомъ, на дальнѣйшемъ пути, арестанты сзумѣють эти партіи спутать и намѣченный законнымъ уставомъ видъ измѣнять по своему уставу, но въ Тобольскѣ объ сортировкѣ усердно хлопочуть. Разъ въ недѣлю выходятъ оттуда либо кандалная, либо женская и потомъ посельская, либо такъ: первая кандалная; первая, вторая, третья

посельскія; потомъ женская; опять посельскія: четвертая, пятая; вторая кандалная и потомъ опять четыре-пять посельскихъ: одна за другою по-недѣльно. Идущіе въ кандалахъ идутъ вольно, отдѣльно; посельщиковъ по три, по четыре пары приковываютъ къ цѣпи въ наручникахъ по-двое. Наручникъ этотъ изобрѣтенъ командиромъ отд. корп. внутр. стражи, генераломъ Капцевичемъ, и былъ утверждён 1 марта 1832 года. Для него потребовалась цѣпь,—прежде ходили прикованными къ пруту. Прутъ оказался неудобнымъ: при ходьбѣ рука каждаго терлась объ его собственный наручникъ, который не всегда приходился по рукѣ. Высокіе люди тащили вверхъ малорослыхъ, а эти тянули руки высокихъ внизъ; слабые за сильными не поспѣвали. Отъ безпрестаннаго тренія, на рукахъ появлялись опухоли и раны; на прикрѣпленные къ пруту руки нельзя было надѣвать рукавицъ. Холодъ отъ желѣза причинялъ ужасныя мученія, тѣмъ болѣе, что нельзя было дѣлать этими руками никакихъ движеній, чтобы согрѣться. Унтеръ-офицеръ, сопровождающій партію, не имѣлъ права, во время пути, отворить замка, укрѣпленнаго на концѣ прута. Ключъ отъ замка хранился въ особомъ ящикѣ, за казенною печатью, изъ-подъ которой могъ быть вынутъ только по прибытіи въ этапъ, гдѣ находился офицеръ. Слѣдовательно, если заболѣвалъ одинъ изъ арестантовъ въ дорогѣ, то должно было всѣхъ вмѣстѣ сажать на повозку. На ночлегахъ арестанты не имѣли нужнаго покоя, ибо движеніе одного чувствовали всѣ прочіе, прикрѣпленные къ пруту. Каждый разъ, когда нужно было одному изъ нихъ выходить ночью на дворъ,—всѣ товарищи должны были его сопровождать. «Ужась и уныніе,—свидѣтельствуетъ офиціальныи актъ,—замѣчаемые въ арестантахъ въ то время, когда дѣлались приготовленія прикрѣплять ихъ къ пруту, всеобщая радость и благодарность, возсылаемая къ благодѣтельному начальству, когда отправляютъ ихъ порознь, въ кандалахъ, явно убѣдили въ томъ, что прутья для нихъ, безъ всякаго сравненія, отяготительнѣе кандаловъ». Путь, просуществовавшій восемь лѣтъ (съ 1824 года), были замѣнены цѣпью различной длины (отъ 11 вершковъ до 1½ аршина). На цѣпи теперь другое горе: бойкіе на ногу тянутъ заднихъ тихоходовъ; остановится одинъ за нуждой — всѣ должны стоять и дожидаться, а сковываютъ иногда человекъ по восьми, по десяти. Но арестанты и этотъ способъ сдумали, медленнымъ ходженіемъ (при чемъ нельзя распознать перваго виноватаго), до того обезобразить, что сами конвойные охотно перестаютъ примѣнять его. Они хорошо знаютъ, что надо пройти въ день до стоянки верстъ 30 и больше. Утромъ вышли,—надо ночевать на полуэтапѣ; опять день идти,

чтобы попасть на этапъ. Здѣсь днѣвка — дается отдыхъ (растахъ, по тамошнему). На третій день опять путь-дорога до ночевки на полуэтапѣ и дневки на этапѣ. А тамъ и пошла писать эта медленная путина, долговременная ночевка до мѣста назначенія. Пойдемъ вслѣдъ за арестантами.

Выйдемъ изъ тобольской тюрьмы опять на свѣжій воздухъ, чтобы слѣдовать за арестантами снова вдоль этапнаго пути, у котораго конецъ еще не ближній и во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ для самаго дальняго преступника находится теперь мѣсто его родины. Вотъ чтò мы слышимъ:

На первомъ привалѣ за Тобольскомъ арестанты устраиваютъ въ средѣ своей отдѣльную и самостоятельную артель, которая имѣетъ такой же смыслъ, значеніе и важность, какія имѣютъ всяческія артели, успѣвшія поглотить въ себя все работающее населеніе, во всѣхъ углахъ и странахъ нашего отечества. Устраиваемая на первомъ привалѣ, арестантская артель существуетъ затѣмъ во все время этапнаго пути и существуетъ самостоятельно и отдѣльно отъ той, которая установлена и поощряется закономъ. Не уничтожая, даже не ослабляя смысла и значенія той, которая сочиняется въ Тобольскѣ, по приказу чиновниковъ, эта новая артель въ то же время имѣетъ особенный, самобытный характеръ, съ которымъ плотнѣе и сильнѣе дружится путешествующій преступникъ. Она тоже не требуетъ особыхъ нововведеній, измѣненій и улучшеній; она тоже является въ готовой формѣ, Богъ-вѣсть, когда придуманной, но до сихъ поръ свято соблюдаемой. Арестанты такую артель любятъ и безъ нея не только не ходятъ по этапамъ, но не живутъ и въ тюрьмахъ. Эта артель — жизнь и радость арестантской семьи, ея отрада и покой. Въ казенной артели полагается староста; въ арестантской — откупщики, *майданщики*: вотъ въ чемъ вся разница этихъ двухъ артелей, повидимому, ничтожная, но въ сущности огромная.

Образованію арестантской артели предшествуютъ торги, со всѣми признаками этого обычнаго вида коммерческихъ операций. Торги производятся на отдѣльныя статьи: 1) содержаніе водки; 2) содержаніе картъ; 3) съѣстныхъ припасовъ; 4) одежныхъ вещей и проч. (иногда въ примѣчательной подробности). Къ торгамъ допускается всякій, безъ различія, но выигрываетъ только тотъ конечно, у котораго потолще другихъ мощна, который самъ бывалъ въ передѣлахъ, и дѣло торговли ему и знакомое, и привычное. Это большею частью люди бережливые, скопидомы, у которыхъ замерзло въ сердцѣ всякое поползновеніе на соблазнъ; для которыхъ и въ тюрьмѣ жизнь не беспорядочна, не разбита

отчаяніемъ, а несетъ тѣ же живыя струи и рисуется съ тѣми же оттѣнками, какъ и жизнь на свободѣ. Бѣднякъ и разочарованный на такое дѣло не пойдутъ, но не выпускаютъ его изъ своихъ рукъ тѣ, которые и на свободѣ махлячили торговлей, и по этапамъ съумѣли уберечь и припрятать кое-какую копѣйку.

Откупныя статьи поступаютъ по бѣльшей части въ однѣ-двой руки, но если идетъ большая партія (напр. свыше ста чело-вѣкъ), торги становятся дробными. Въ однѣ руки сдаютъ право на содержаніе картъ, костей, юлки и другихъ игорныхъ принадлежностей; въ другія руки постушаетъ торговля табакомъ, водкой и всѣми возбуждающими сластями и удовлетворяющими наслажденіями; въ третьи руки идетъ торговля харчемъ и доставка съѣстныхъ припасовъ. Дробность эта иногда бываетъ еще мельче, но во всякомъ случаѣ торги устанавливаются обыкновенно не на всю дорогу отъ Тобольска до каторги. Одни торги существуютъ до Томска, гдѣ впервые разбивается партія и на первомъ же этапѣ за Томскомъ устраиваются новые торги, до Красноярска; въ Красноярскѣ — до Иркутска; въ Иркутскѣ уже вплоть до Нерчинска. По Сибири ходятъ партіи чело-вѣкъ въ 200 и болѣе ¹⁾. Заплативши артели нѣсколько рублей, а иногда и десятковъ рублей за право торговли, откупщики-майданчики обязаны уже

¹⁾ Законъ ограничиваетъ число людей въ партіяхъ во внутреннихъ губерніяхъ отъ 20 до 60 и въ сибирскихъ отъ 50 до 60, 100 и болѣе. Между тѣмъ среднее число людей въ партіяхъ при еженедѣльной (50 разъ въ году) отправкѣ по этапамъ бываетъ:

Отъ Полтавы до Харькова . . .	30
» Харькова до Воронежа . . .	34
» Воронежа до Тамбова . . .	40
» Тамбова до Пензы . . .	43
» Пензы до Симбирска . . .	47
» Симбирска до Казани . . .	69

Въ Казани же присоединяется и московская партія (изъ ссыльныхъ окрестныхъ губ.), пополненная петербургскою (изъ арестантовъ финляндскихъ, остзейскихъ, литовскихъ, псковскихъ и олонекскихъ). Московская (соединенная) партія растетъ такъ:

Отъ Москвы до Владиміра . . .	72
» Владиміра до Нижняго . . .	80
» Нижняго до Казани . . .	85

Въ Казани такимъ образомъ собирается уже 154 арестанта; въ Дебесахъ (куда сходятся изъ Вятск., Волог., Костр., Оренб. и друг. губ.) число ссыльныхъ среднимъ счетомъ бываетъ 171.

Отъ Дебесъ до Перми . . .	178
» Перми до Кунгура . . .	182
» Кунгура до Камышлова . . .	189
» Камышлова до Тюмени . . .	194
» Тюмени до Тобольска . . .	220

имѣть все, по первому затребованію арестантской общины. Часть денегъ, полученныхъ съ откупщиковъ этихъ, дѣлится поровну между всеми остальными; другая, меньшая, сдается на руки казеннаго старосты, который обязанъ, на правахъ казначея, блюсти эту сумму какъ зѣницу ока. На эти деньги староста, съ согласія цѣлой артели и съ ея разрѣшенія, покупаетъ всякія льготы у этапныхъ начальниковъ (офицера или унтеръ-офицера): право пропѣть «Милосердную» и собрать въ сплутной деревнѣ на артель деньги и съѣстные припасы, — право сходить въ баню на этапѣ, иногда выкупаться въ рѣкѣ, сбѣгать въ кабакъ откупщику или его подставному помощнику, — снять кандалы на честное варнацкое слово и принанять, сверхъ казенной, на артельные деньги лишнюю подводу, куда садятся слабые и больные и складываются, снятыя для облегченія въ дорогѣ со всей партіи, кандалы¹⁾.

— Гдѣ же нанимаются подводы?

— Сами этапные лошадей держатъ: солдаты тѣмъ и живутъ. Живутъ тѣмъ же и господа офицеры.

— Да справедливъ ли этотъ послѣдній сказъ?

— На правду-то дѣло пойдетъ, такъ мы (арестанты) и отвѣтить не знаемъ какъ. Подъ Казанью былъ этапъ и прозывался пьянымъ; пьяный и былъ: тамъ спаивали все партіи. Въ Енисейской губерніи другой такой этапъ стоялъ и офицеръ жилъ. У него было пять дочерей, а при нихъ онъ кабакъ содержалъ. Мы — люди гиблые, а душа въ насъ все та же: на всякую сласть соблазновъ не отняли и силушки не хватаетъ сладить съ духомъ.

— Прислушайтесь:

«Вышли мы изъ Тобольскаго городу, и не отошли верстъ десяти — слышимъ: кричитъ этапный, который шелъ съ нами:

— Староста!

Подбѣжалъ къ нему староста.

— Спроси партію, по сколько дастъ за статейные списки?

Спросилъ староста партію; отвѣчаютъ:

— Давай по пятаку съ рыла.

— Мало, отвѣчаетъ. Пускай-де дадутъ по гривнѣ! — и ото-
слалъ старосту.

¹⁾ На тѣ времена, когда по малолѣтству партіи не сладится откупа, и не будетъ майданчика, обязаннаго оберегать арестантскія удовольствія, запроданныя на откупъ, — на тѣ времена сами игроки обязаны защищаться полтинникомъ или четвертакомъ противъ унтеръ-офицера. За 10—15 коп. съ майдана охотно берутся защищать игру часоше и тогда ведутъ подвохъ за себя противъ унтера. Впрочемъ, подробности тюремной жизни дадутъ намъ дальше возможность объяснить этотъ вопросъ въ болѣе полномъ, оконченномъ и определенномъ видѣ.

Тотъ къ артели.

— Давай по восьми копѣекъ!

Не беретъ: безъ запросу-де.

— Ну, чортъ съ нимъ, отсчитывай ему, по гривнѣ.

Развязали мошны, отсчитали деньги, передали старостѣ. Развернули намъ бумагу и вычитали каждому куды и какъ. А знаемъ: даромъ долженъ сдѣлать; даромъ доведетъ до тѣхъ мѣстъ, кому какое уготовано. Надо бы было намъ слышать это самое въ приказѣ. Тамъ не сказали, а тутъ зудъ беретъ: всякому впередъ знать о себѣ хочется. Всякому это лестно. Вотъ тутъ первый соблазнъ. Приказъ сказывать долженъ, да захотѣлъ онъ, видно, помирволить офицеру: инъ быть дѣлу такъ! А бывало дѣло, и не одинъ разъ бывало такое дѣло. Этапный начальникъ тоже чело-вѣкъ бѣдный».

— То ли бываетъ!!—говорили другіе слыльные. И кто знаетъ, съ чего это; оттого ли, что такъ подобаешь, или по какому по другому закону: мы не domeкались, а слышали не разъ, какъ звалъ офицеръ старосту и наказывалъ: «Староста! а что бы партіи-то этапнаго начальника яичками попотчивать». Приходилъ староста въ партію, объявлялъ.

— Можно!—сказывали и отбирали чело-вѣкъ съ десять, самыхъ голосистыхъ. Пѣвуны эти шли по деревнѣ, пѣли заунывную «Милосердную»; на пѣсню выносили яйца, а изъ яицъ господинъ начальникъ яичницу себѣ стряпалъ и кушалъ въ полное свое удовольствіе.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ и разспросовъ мы узнаемъ, что съ офицерами и другими провожатыми партія старается жить ладно и во всемъ имъ угождаетъ. Въ свою очередь и офицеръ, глазъ-на-глазъ поставленный съ преступниками, обязанъ мирволить и подлаживаться къ общему тону арестантской артели, чтобы не лопнуло звено въ казенной цѣпи и она бы не разсыпалась. Этапному офицеру сдѣлать это не трудно, потому что ему самому трудиться не надобно: до него все придумано, испробовано и подогнано въ самую мѣру. Онъ самъ искалъ этого мѣста и получилъ его въ награду за долгое терпѣнье, какъ древній русскій воевода, и съ тою же самою прямою цѣлью. Обманывать и обманываться тутъ не для чего: дѣло всему міру извѣстное. Малаго ребенка объ этомъ спросите—и тотъ съумѣетъ отвѣтить. Тутъ чѣмъ ни замазывай—подгрuntовка сейчасъ окажется, не тѣмъ, такъ другимъ краемъ. Инвалидныя мѣста въ недавнюю старину тѣмъ и славилась, что лучше крѣпостной деревни были. Хороши были инвалидныя команды вообще, да и этапныя таковы же въ частности. Между тѣмъ, не трудно было

распознать человѣку, что вотъ и еще житейская задача — влачить и ладить угловое житейское судно свое между ножемъ и артельнымъ полштофомъ, между крупными ругательствами и десяткомъ яицъ за кротость права и уживчивость. Хорошенько поглядишь дѣло — и видишь, что жизнь дарить только двѣ крайности: либо въ стремя ногой, либо въ пень головой; сегодня — деньги на приварокъ отъ артели, изъ доброхотныхъ подаянй, если дано ей сильное послабленіе; завтра — всѣ въ лѣсъ убѣгутъ, если нажилъ человѣкъ крутой нравъ и натрудилъ сердце, а за то ему: лишеніе годового оклада жалованья, судъ, клейменная отставка.

Вотъ тѣ искусственныя крѣпы, какими спутываются набалованные бродяжествомъ и тюрьмой люди съ тѣми людьми, у которыхъ сердито сердце отъ житейскихъ неудачъ, а пожалуй и отъ той же забалованности. Арестанты забываютъ на время пути по этапамъ свою бродячую повадку, приставники въ свою очередь должны поступиться кое-какими изъ своихъ личныхъ правъ. Въ итогъ у тѣхъ и другихъ выходитъ круговая порука, взаимное обязательство жить между собою мирно и ладно. Отсюда замѣчательная случайность: арестанты съ этаповъ и съ этапной дороги почти никогда не бѣгутъ. Бываютъ примѣры, но очень рѣдко, и тѣ выпадаютъ большею частію на Забайкалье, на мѣста, сосѣднія каторгамъ; а, кажется, чего бы легче и удобнѣе: у самой дороги такая лѣсная трещѣ, что стѣитъ вскочить въ нее — и собаками не сыщешь, особенно если не зимнее время, не лежитъ снѣгъ глубокими сугробами, а стоитъ весна-красна или лѣто жаркое, трава-муравѣ шелкѣвая, а промежъ ней всякое коренье сладкое и ягоды рдяныя. Стѣитъ, стоворившись всѣмъ, ерикнуть «уру», чтобы вся партія разомъ схватилась съ мѣста и брызнула что вода изъ чана, въ разныя стороны: что тутъ какихъ-нибудь 20—30 конвойныхъ противу ста или полтора-ста предпринять могутъ? И на плечахъ-то у нихъ старыя кремневыя ружья съ осѣчкой! Да не въ томъ дѣло.

— Бѣжать съ этапа невыгодно, — увѣряютъ бывалые арестанты. Да и артель наша такого дѣла не терпитъ. Умѣлые начальники такъ и сказываютъ: «Дѣлайте, братцы, что хотите, а мнѣ чтобы ни одного бѣглаго въ партіи не было. Урвется который — всю партію къ цѣпи прикую». А наложить цѣпь: для нашего брата ни въ которое время хорошо не бываетъ. Лѣтомъ, эта цѣпь суставы ломаетъ; зимой отъ цѣпи всѣ кости ноютъ. На нашей партіи одинъ разъ стряслось такое дѣло: наложили. На морозѣ цѣпь настала, холоднѣе самаго морозу стала, и чего-чего мы на переходъ-отъ этотъ не напримались! Мозгъ

въ костяхъ, кажись, замерзать сталъ, — таково было маотно и больно, и не въ людскую силу, и не въ лошадиную!... ¹⁾

«У насъ (говорили другіе ссыльные), изъ нашей партіи единожды бѣжалъ молодой да не бывалый — горяченькій. Токнуло сердце и суставы затрещали прежде времени. Думали: цѣпи не минувемъ, а зима во всей силѣ. Собрались мы въ кучу, потолковали, померекали, пришли къ начальнику:

— Такъ молю и такъ, ваше благородіе. А вы намъ сдѣлайте эту милость: пустите на поиски! Мы вамъ этого бѣлаго съищемъ, чтобы вамъ со счету не сбиваться и передъ начальствомъ своимъ не отвѣтствовать.

— Ладно! говорить.

Офицеръ былъ старый: свое дѣло зналъ, да зналъ онъ и нашего брата, чутокъ былъ на варнацкое слово ²⁾.

— Ступайте! говорить; и конвойныхъ намъ не далъ. Пошли мы отъ своей артели; пошли на ея страхъ; сами изъ себя и сыщиковъ выбрали. Въ лѣсу сдѣлали облаву. Проходили ночь, много утра на другой день взяли. Въ полудень черезъ сутки сошлись, гдѣ сказано, и къ начальнику привели прибылого да новенькаго: бѣжалъ отъ насъ молодой парень лѣтъ восемнадцати, а наши ребята старика сгребли, лѣтъ пятидесяти. Старикъ — бродяга былъ, на бѣгахъ, а бродягъ въ сибирскихъ лѣсахъ, что пня: не искать стать.

— Не того привели! сказываетъ офицеръ.

— А вамъ, молю, ваше благородіе, не все равно?!

Подумалъ начальникъ; согласился принять этого. Былъ бы, значить, счетъ вѣренъ; а тамъ наводи справки, на чьемъ этапѣ смѣна сталась....

— Ну, а старикъ? спрашивалъ я.

— Ломался, упирался на первыхъ порахъ: дѣло извѣстное. Мнѣ-де, слышь и погулять хочется, и кого-де вы еще мнѣ подставите: можетъ каторжнаго, можетъ безсрочнаго... и въ лѣсу-де мнѣ не въ примѣръ лучше, чѣмъ съ вами... Сказывалъ много: всѣмъ намъ слова его смѣшны даже сдѣлались.

¹⁾ Освобождали отъ каната, т. е. цѣпи желѣзной, за 2 коп. съ человѣка, каковыя деньги удерживались изъ кормовыхъ.

²⁾ Варнацкое слово, варнацкая честь — условныя названія хорошо извѣстнаго сибирякамъ новаго элемента въ народномъ духѣ. Основаніе его лежитъ въ тѣхъ же самыхъ данныхъ, какими руководствуются кушцы, вѣтряя на честное слово, по одной накладной, товары возчикамъ, а смыслъ самыхъ словъ сдѣлается окончательно понятнымъ, когда обнажатся въ послѣдующихъ нашихъ разсказахъ тюремныя тайны. Слово *варнакъ*, *чалдонъ* — бранныя прозвища, адресуемая сибирскими старожилами всѣмъ бѣглымъ изъ тюрьмы, съ заводовъ и съ мѣста поселенія и водворенія.

— Ты, моль, старъ человѣкъ, а глупъ очень. Чортъ тебѣ мѣшаетъ въ Иркутскѣ сказаться: я-де не я, по ошибкѣ за другого въ списокъ включень. Тамъ начнутъ казенныя справки дѣлать, а ты сиди въ теплѣ. На морозѣ-то-моль, дуракъ, хуже, да и не на всякій день харча промыслишь, а въ острогѣ казенный.

Подумалъ старикъ, — сдаваться сталъ. Сказываетъ:

— Не осерчало бы начальство которое...

— А тебѣ-моль съ нимъ дѣтей крестить! Пушай серчаетъ, пушай справляется: не что ему дѣлать, начальству-то твоему: вишь пожалѣлъ!... Ты думаешь, на спину-то тебѣ оно крестъ повѣситъ за то, что ты волкомъ-то по лѣсамъ бродилъ. Этого, братъ, баловства и въ Расѣй не любятъ.

Старикъ опять подумалъ, а мы ему ото всей артели рубль серебромъ положили: согласился. И пошелъ этотъ старикъ съ нами. Послѣ станетъ сказываться непомнющимъ. Такъ его начальство и писать вездѣ и всегда станеть.»

Обычай мѣняться именами, любовь ко псевдонимамъ, на этапахъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ каторжныхъ. Иногда за самое ничтожное вознагражденіе соглашается бобыль-поселенецъ сказаться каторжнымъ для этаповъ, чтобы объявиться потомъ поселенцомъ вблизи самой каторги, когда облагодѣтельствованный имъ, прикрытый его званіемъ каторжника остался далеко назадъ и гдѣ-либо въ волости воспользовался болѣе легкими и льготными правами поселщика. Обычай этого не остановило и строгое рѣшеніе закона, повелѣвающаго поселенца съ псевдонимомъ оставлять на каторжной работѣ 5 лѣтъ, а каторжному, по наказаніи на мѣстѣ ста ударами лозь, къ двадцатилѣтнему сроку прибавлять еще пять лѣтъ. Обмѣнъ именами не прекратился и между поселенцами, не смотря на то, что обоимъ предстояло пробывать за то на заводской работѣ по два года.

Другой случай, переданный намъ очевидцемъ, поразительно доказываетъ отсутствіе въ арестантской партіи стремленій къ побѣгу и невозможность существованія такихъ стремленій при томъ плотномъ устройствѣ артели, въ какомъ неизбѣжно существуетъ каждая партія.

Дѣло было около Тюмени. Партія состояла изъ трехъ сотъ человѣкъ. Пришла она на полу-этапъ, всегда тѣсный и непомѣстительный. Арестанты пошли на денежную сдѣлку съ офицеромъ. Цѣлью сдѣлки было желаніе партіи идти слѣдующія лишнія версты, чтобы отдохнуть въ этапѣ, и отдохнуть подольше, съ зачетомъ выиграннаго времени. Офицеръ согласился. Партія пошла впередъ послѣ коротенькаго отдыха. Съ дороги, вопреки ожиданіямъ, бѣжали трое. Офицеръ собралъ партію въ кругъ,

выбранился, выкорилъ всѣхъ, раскаялся въ своемъ довѣрїи и крѣпко пригрозилъ. Партія почувствовала неловкость своего положенія и всю отвѣтственность приняла на себя. Тѣмъ же путемъ облавы, черезъ выбранныхъ доточниковъ-сорокоходовъ и бывалыхъ бродягъ, но также безъ конвойныхъ, добыли арестанты къ слѣдующему утру всѣхъ троихъ бѣглецовъ своихъ. Привели къ начальнику. Офицеръ возмимѣлъ желаніе наказать ихъ и, не встрѣтивъ со стороны товарищей противодѣйствія, далъ каждому по сту розогъ.

— Теперь позвольте намъ самимъ еще раздѣлаться съ ними, просила вся артель и, получивши согласіе, прибавила отъ себя каждому еще по пятисотъ розогъ, да такихъ горячихъ, что жестокость ихъ изумила самого, привычнаго къ тѣлеснымъ наказаніямъ, этапнаго офицера.

Третья партія въ жаркій іюльскій день соблазнилась на озеро холодное: искупаться захотѣла и, получивъ дозволеніе, сняла кандалы, разбрелась по берегу (партія была довольно большая), насладилась запретнымъ удовольствіемъ, на сборномъ пунктѣ явилась вся до послѣдняго человѣка. На Борщовскомъ хребтѣ (въ Забайкальѣ) отъ строгаго офицера изъ четвертой партіи бѣжало сразу 6 человѣкъ, и товарищи искать не ходили.

Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Взаимныя отношенія арестантовъ и конвойныхъ примѣтно усложняются и каждая партія расскажетъ непремѣнно не одинъ случай вымогательства съ одной стороны, сильной и надзирающей, и не одинъ случай уступокъ со стороны слабой и подчиненной. Конвойные не упускаютъ ни малѣйшаго повода, чтобы сдѣлать съ арестантовъ поборъ, и изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи изумительна.

Въ большей части случаевъ придирки солдатъ носятъ какой-то отчаянный, злобный характеръ. Этапный солдатъ, получающій отъ казны около 3 руб. въ годъ, какъ будто хочетъ наградить себя за многотрудную службу свою и немудреный уходъ за арестантами крохами тѣхъ, за кѣмъ надзираетъ. Слово цѣлую жизнь онъ не ѣлъ и вотъ теперь, въ боязни умереть голодною смертію, хватаетъ зря, что попадется, не гнушается никакой скверной, не боится грѣха, что вотъ и нищаго сгрѣбъ въ ослѣпленіи и изступленіи ума своего и деретъ съ его голыхъ плечъ послѣдній кошель. На практикѣ выходитъ такъ, что гдѣ солдаты линейные — тамъ и каторга, но гдѣ сибирскіе казаки (какъ напр. въ Восточной Сибири), тамъ и пѣсня другая. Казакъ не ѣлъ крупы, не жилъ въ казармѣ, не получалъ въ приварокъ палки, а потому, умягчившись на мирныхъ деревенскихъ работахъ, на мягкомъ воздухѣ — правомъ кротче и къ

арестантамъ жалостливѣе; на желанія ихъ повадливѣе и уступчивѣе. За казаками арестантамъ лучше. Послушайте — и судите.

Одна этапная партія кончается въ Сибири дневку; рано поутру слышитъ обычную команду: «вставай!» На дворѣ четыре часа ночи; морозъ во всей силѣ утренника, а дѣло зимнее. Въ казармѣ этапной холодно до того, что у арестантовъ зубъ не попадаетъ на зубъ.

Началась суматоха: «въ дорогу собирайся!» Грохочетъ барабанъ обычный сказъ: «по возамъ!» Выходи на дворъ. Возней въ суматохѣ согрѣваются, по командѣ — собрались. Выведены на дворъ. Надо бы слушаться барабана, укладывать мѣшки на подводы и садиться больнымъ на возы; а тамъ барабанъ замолчалъ: раздается команда словесная: «полы мыть!»

— Устали мы, изныли всѣ. Да и не наше дѣло.

— Кто дряниль, тотъ и чистить: вездѣ это такъ. Мой полы — таково положеніе.

— Положенія такого не слышали и не видали: смотри на стѣнѣ. Начальство притѣснять не велить.

— Это въ прошломъ году было сказано. Нынче другой годъ идетъ и положенія потому новыя.

— Гдѣ онѣ?

— Приколотить не успѣли.

— Покажи ихъ!

— Въ другой разъ приходи, посмотришь.

И за тѣмъ унтеръ-офицеръ отбираетъ изъ партіи, вмѣсто обычной переключки, троихъ или четверыхъ самыхъ говорливыхъ. При этомъ смежныя ворота запираются; ружья беретъ конвой подъ прикладъ и дѣлаетъ цѣпь. Выбранные выводятся впередъ и получаютъ въ руки шайки съ холодной водой; вода дается холодною затѣмъ, чтобы мыть приводилось больше, чтобы партія стояла на холоду и неподвижно на одномъ мѣстѣ дольше. А комната въ казармѣ пять-шесть, а грязи налипло за цѣлый годъ, если не больше: и не видать конца поломоной работѣ. Партіи придется ждать долго; иззябнетъ она вся, замерзнетъ; думаетъ и надумается. Ворота хоть заперли, подъ прикладъ взяли, но осталась лазейка, — зовутъ арестанты старосту.

— Поди, староста, спроси: сколько положенія по новому закону. Чортъ съ ними!...

— По грошу съ брата!

И конецъ дѣлу, и обычная по положенію стройка во фронтъ въ двѣ шеренги; конвойные въ авангардѣ, арріергардѣ и съ боковъ. Барабанъ бьетъ генераль-маршъ: выходи рядами, а тамъ ужъ иди какъ хочешь. На новомъ этапѣ опять порядокъ послѣ

того, какъ разобрали котомки: опять фронтъ въ двѣ шеренги. На правомъ флангѣ — каторжные, въ центрѣ — поселенцы; на лѣвомъ флангѣ — бабы. На новомъ этапѣ опять поборы: «маршъ» къ нимъ на встрѣчу!

Новый видъ поборовъ столько обыкновененъ и общеупотребителенъ, что безъ него и не идти, кажется, арестантской партіи, пока существуютъ эти этапы и живутъ на этихъ этапахъ солдаты, и жестокие, и сребролюбивые.

Партія желаетъ получить баню по положенію и по закону.

— Баня въ починкѣ! — отвѣчаютъ имъ.

— Въ починкѣ была, братцы, прежняя; тамъ указали на вашу.

— Указъ не приказъ; да и мы на ту статью указать вамъ умѣемъ; нѣтъ у насъ бани; ступайте дальше — тамъ баня новая.

— Да можетъ и она въ починкѣ. Законъ велитъ топить баню каждую субботу.

— А по копѣйкѣ съ брата положите, таеъ и наша поспѣеть, какъ нибудь законопатимъ....

Почешутся арестанты, подумаютъ, да и велитъ старостѣ развязать кошину съ артельными деньгами, ибо знаютъ, что — по закону — могутъ ходить въ баню и мыть бѣлье, «но не иначе, какъ съ позволенія этапнаго начальника (!?)».

Но до сихъ поръ солдаты, а вотъ и настоящіе этапные начальники, по тѣмъ несомнѣннымъ даннымъ, которыя попадаютъ въ слѣдственныхъ дѣлахъ и офиціальнымъ бумагамъ разнаго рода ¹⁾.

Первый примѣръ:

Арестантъ, на спросѣ въ Томскѣ, показалъ, что у него одинъ этапный начальникъ взялъ въ займы 15 руб. сер. — и не отдалъ. Навели справки, написали батальонному командиру и получили отвѣтъ, что деньги съ офицера взысканы и отправлены по принадлежности къ мѣсту нахождения кредитора.

Другой примѣръ оправданъ не однимъ десяткомъ случаевъ:

Во многихъ этапныхъ зданіяхъ пропадали казенныя вещи, большею частью желѣзныя, имѣющія передъ прочими бѣльшую цѣнность: дверныя петли и скобы, печныя заслонки и душники; а на одномъ этапѣ исчезли даже цѣликомъ новыя сосновыя двери. Наведены были справки; оказалось, что всѣ эти вещи проданы торговцамъ и продавали ихъ сами этапные командиры.

— И нѣтъ никакихъ средствъ искоренить это зло! — говорили намъ люди знающіе, заинтересованные этимъ дѣломъ, какъ люди, ремонтирующіе этапныя зданія.

¹⁾ Этапные начальники обязаны провожать партіи, если въ ней больше 80 человѣкъ.

— А подумать, прискаты! — было у насъ на умѣ, но знающіе люди предупредили отвѣтомъ:

— Придумать могли одно только: душники закладывать кирпичемъ; вмѣсто заслонокъ рогожу моченую вѣшать, а двери и безъ скобокъ живутъ....

Третій случай:

Въ Пермской губерніи, почтовымъ трактомъ отъ Екатеринбургъ къ Москвѣ тянется небольшой обозъ съ чаемъ, съ пятью-шестью возчиками. Сзади партіи ѣдетъ на подводѣ въ одну лошадку офицеръ; по обыкновенію господинъ этотъ кричитъ арестантамъ: — Давайте по два рубля съ человѣка и дѣлайте, что хотите.

Состоялось согласіе; учинилась сдѣлка, отсчитаны деньги: арестанты бросились на возы всей партіей; сорвали нѣсколько цибинокъ (т. е. мѣсть). Возчики сбѣжались въ кучу, бросились отбивать пограбленное, но конвой сдѣлалъ цѣпь — не пустил. Награбленный чай въ сосѣднемъ городѣ сбытъ былъ темными путями черезъ надежныхъ людей; деньги получены натурой, раздѣлены по ровну на каждаго человѣка. Затѣялось слѣдствіе, тянулось долго и много....

Таковы бывали начальники смиренные, а бываютъ и сердитые:

— Иной придетъ будить партію да увидитъ, что нашъ братъ нѣженка распустился на ночь, чтобы слаще спать: кандалы съ ногъ спустил для легкости; подавай штрафныя деньги по положенію. А положеніе это онъ въ трубѣ углемъ пишетъ....

— Бывало и вотъ что: у меня отъ морозу лицо опухло. Увидаль это этапный офицеръ, въ рыло съѣздилъ.

— Ты (говоритъ) клейма вытраваляешь.

— И не думаль, ваше благородіе: морозъ пошутилъ.

Затопаль ногами, закричалъ зычнымъ голосомъ:

— Шлетей подавай!

Дать мнѣ ему было нечего: вздулъ меня. Другой, денежный, откушился отъ такой же напасти. Саломъ бы гусинымъ смазать надо, и сало подъ рукой: всякій этапный солдатъ сало это на тотъ случай держитъ; а сунься — четвертакомъ за махонькій кусочекъ не отдѣлаешься. Не дашь: начальству подѣ страхъ подведетъ; а дать — не изъ чего. По Сибири нашъ братъ идетъ совѣмъ безъ денегъ. Тамъ деньгами помогаютъ мало; больше живьемъ да харчами.

Четвертый случай:

Идетъ по этапамъ арестантъ бывалый и тертый, изъ бродягъ. Дорогой онъ, по обыкновенію, крѣпко промотался; надо добыть денегъ покрупнѣе и побольше. Нехитрая штука въ займы взять

у старосты или въ артели; мудреная штука взять деньги у офицера и взять безъ возврата. Попробовать надо: такого случая на этапахъ не слыхивали. Задумалъ арестантъ про себя и товарищамъ объ этомъ передалъ. Выслушали тѣ, посмѣялись: выдумка понравилась. Рѣшили всѣ стоять за одно, помогать ему, а на несчастный случай выручить. И пошло дѣло въ ходъ такимъ образомъ: пускаетъ арестантъ между спутниками слухъ, что добылъ онъ контрабандное золото въ порошокъ, по случаю. Штука дорогая, да онъ, бѣдный заключенникъ, не стоитъ за цѣной, и продалъ бы съ радостію, да не кому; ходячее-де серебро для него лучше. Въ лавку снести — конвой не велитъ, а начальству своему онъ не прочь передать за все, за что ему будетъ угодно взять. Пошелъ этотъ слухъ отъ арестанта къ другому, дошелъ до конвойныхъ солдатъ, а изъ устъ солдатскихъ попалъ и въ офицерскія уши. Разгорѣлся офицеръ на легкую добычу; присталъ къ арестанту:

— Продай!

— Извольте!

Взялъ офицеръ золото, отнесъ къ серебряннику (дѣло было въ Томскѣ), показалъ мастеру:

— Гдѣ взяли?

— У арестанта.

Подумалъ серебрянникъ, смекнулъ — и отвѣтилъ:

— Золото. Покупайте его, давайте что ни спросить.

— А купишь его у меня?

— Отчего не купить? Зайдите на обратномъ пути, когда проводите партію: теперь денегъ нѣтъ, да и свидѣтели близко, а тогда куплю.

Проводилъ офицеръ партію, пришелъ къ серебряннику.

— Ступайте, ваше благородіе, въ котельный рядъ: тамъ не возьмутъ ли? Порошокъ вашъ — тертая суцая мѣдь, безъ обману. Золото бываетъ не такое.

Приводя всѣ эти частные случаи, объясняющіе взаимныя отношенія арестантовъ и провожатыхъ, мы брали ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они попадались намъ, и не составляемъ связной и общей картины, потому что не имѣли на то права. Право наше бессильно и потому еще, что приведенные примѣры частные: сегодня одинъ случай, — завтра другой. Одинъ за другой не отвѣчаетъ, одного за другимъ ни предвидѣть, ни ожидать невозможно. Каждый имѣетъ свой характеристическій оттѣнокъ, одинъ на другой не похожъ, и если нѣтъ крушныхъ противорѣчій и отрицаній, то потому, что мастера-художники одни и тѣ же, одной и той же школы. Для картины кладется все-таки одинъ

только грунтъ прочный, все другое для насъ мало опредѣлилось. Краски накладываются такой грубой кистью, что въ рисунокѣ не ожидаешь ни изящества, ни полноты, ни законченности. Мастера, правда, умѣлые и досужіе, но, какъ владимірскіе богомазы, они на работѣ не спѣлись, въ приемахъ не условились, идутъ особнякомъ, на двѣ стѣны и смѣны: одинъ пишетъ лица, другой только одежду, «долишное». Работа раздвоилась. Одинъ пишетъ, что можетъ, другой—что хочетъ: нѣтъ, стало быть, ни лица, ни образа. Иногда вмѣшивается третій и тогда совсѣмъ уже нельзя распознать не только деталей, но и общаго въ картинѣ....

Записокъ пересылаемые арестанты не ведутъ, да и вести не могутъ: бумага, перо и чернила для преступника—плоды запрещенные. Отрывочные рассказы ведутъ къ одному — къ вѣрѣ на слухъ и къ такому заключенію, что только на взаимныхъ договорахъ и условіяхъ и можетъ существовать вся эта гниль и путаница отношеній. Пока существуетъ этапная система препровожденія ссыльныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она есть теперь — характеръ этихъ отношеній измѣниться не можетъ. Язва слишкомъ застарѣла для того, чтобы прочить ей благопріятный исходъ. Тамія язвы медицина лечитъ только хирургическимъ ножомъ. Накладывать пластыри, дѣлать мѣстные и поверхностныя перевязки—значитъ обманывать себя и больныхъ. Больные сами хорошо это знаютъ и въ выводахъ не затрудняются.

— Какъ вы водку въ тюрьмѣ достаете? — спрашивалъ я одного изъ арестантовъ.

— Штофъ водки стѣитъ на волѣ 80 коп.; дамъ солдату 1 р. 60 к. — принесеть.

Т. е. таковъ законъ, таково положеніе; иначе и быть не можетъ, иначе никогда и нигдѣ не бывало и не будетъ.

— Арестантское дѣло такое (объясняли мнѣ другіе преступники): не согласенъ одинъ — другого попроси; этотъ заупрямился — третьяго попробуй. На четвертомъ не оборвешься, посчастливить: соблазнится четвертый. Такого и примѣра не запомнимъ, чтобы четыре солдата всѣ каменные были.

Только крѣпкая и давняя практика даетъ такіе смѣлые и рѣшительные выводы и заключенія. Язва продолжаетъ гнить, а между тѣмъ болѣзни далеко еще до кризиса и до благопріятнаго исхода. Арестанты все-таки продолжаютъ говорить и думать свое.

— Этапы старыя, холодныя: ихъ не починають; солдаты на нихъ народъ перемытой, перетертой: ихъ и не смѣняютъ. Хорошихъ — говорятъ — въ Сибири найти никакъ не возможно. Нашему брату оттого не легче, тутъ нашъ братъ поневолѣ чрезъ хлѣбъ калачъ достаетъ, и много на это денегъ изводитъ. Этап-

ные себя соблюдаютъ, да и мы глядимъ въ оба, чтобы и наша кроха нигдѣ не пропадала. Рука руку моетъ: обѣ чисты бываютъ.

— Ребята! — говоритъ одинъ офицеръ своей партіи. Мнѣ надо поспѣвать къ сроку по важному дѣлу. Пойдемте дальше на этапъ, безъ остановокъ, сразу. Дѣло небольшое: всего 12 верстъ.

Арестанты прошли уже пятнадцать верстъ; офицеръ не избидѣлъ; смиренный былъ человекъ. Пора стояла лѣтняя, время теплое. Посулилъ офицеръ накормить за это горячими щами на собственной счетъ; обѣщаль достать мяса на этапъ.

— Ладно, братцы! Пойдемъ дальше. Ведите, ваше благородье!...

Зимнее время сулитъ другое и судить иначе. Между городами Нижнеудинскомъ и Красноярскомъ гдѣ-то сторѣлъ этапъ (кажется, Камышедской). Сторѣлъ онъ осенью, на зимніе холода; починить и поправить его не успѣли; а между тѣмъ на вольныя квартиры становить арестантовъ запрещено, подѣ строжайшею отвѣтственностью. Вести ихъ дальше — силы не позволяютъ: вмѣсто 25 верстъ придется сдѣлать 60 — пространство не въ силахъ человѣческихъ плечъ и ногъ. Что тутъ дѣлать? Одинъ командиръ надумалъ наскоро опростать уцѣлѣвшія отъ пожара этапныя конюшни. Арестанты помѣщеніемъ остались какъ будто довольны и безропотны, не смотря на то, что на дворѣ стояла глухая, морозная осень, которую въ Россіи свободно называютъ зимою. На покушеніе вести дальше, слѣдующая партія отвѣчала крикомъ, обѣщаніемъ употребить съ своей стороны насиліе, хотѣла разбѣжаться.

— Человѣколюбіе и справедливость арестанты ободряютъ — наивно замѣчалъ мнѣ одинъ изъ этапныхъ.

— Да кто ихъ не любитъ? — хотѣлъ я замѣтить ему; но, зная, что не всѣ знаютъ объ этихъ доблестяхъ и довѣряютъ имъ, — вписалъ въ дневникъ свой слѣдующія строки:

«Деревянные этапы и полу-этапы, за долгое стояніе со времени постройки своей, производившейся въ Сибири между 1824 и 1830 годами, пришли въ такую ветхость, что современный ремонтъ даетъ возможность исполняющимъ строительскія обязанности класть большія деньги въ карманъ и большія, но дешевыя заплаты на старыя и гнилыя прорѣхи. Дѣло, естественнымъ образомъ, отъ этого не выплываетъ. Не тесомъ обшивать и потомъ проходиться по этой обшивкѣ казенной желтой или сѣрой краской, а выстроить вновь, и совсѣмъ уничтожить эти утлые, гнилые, холодные сараи. Вотъ прошла только одна недѣля послѣ того, какъ поправленные этапы сданы были ремонтеромъ приеменной комисіи, я вижу десять этаповъ такихъ (вижу зимой), и во

всѣхъ углахъ намело снѣгу, намерзли такъ называемые зайчики. Въ одномъ углу даже цѣлая груда снѣгу, сбита вѣтромъ по всей длинѣ этапной казармы, подъ нарами. Не помѣшали вѣтру и досчатая заплата; не помѣшали злу и надзоръ комисіи и ревизія ея. Предатель-вѣтеръ выдаетъ дѣло въ наготѣ.

«И другое горе: этапы противъ прежнихъ плановъ и соображеній сдѣлались тѣсны, неспособны вмѣщать всего количества проходящихъ арестантовъ. Въ пяти — шести комнатахъ на этапахъ, въ трехъ на полу-этапахъ, приводится иногда помѣстить до 500 человѣкъ. Арестанты ложатся на полъ, чуть не другъ на друга, валятся подъ нары, гдѣ ихъ встрѣчаетъ сквозной, сырой и холодный вѣтеръ.

«Во всякомъ случаѣ лежащимъ на нарахъ всегда такъ тѣсно, что они едва поворачиваются и полагаютъ обыкновеннымъ явленіемъ, если многіе, прицѣпившись на краю наръ, лежатъ поперекъ другихъ товарищей, прямо и непосредственно у нихъ на ногахъ. И вотъ отсюда новое злоупотребленіе въ ущербъ общаго арестантскаго интереса: бывалые и опытные изъ нихъ платятъ солдатамъ нѣсколько денегъ, чтобы ѣхать впередъ товарищей. Отъ 8 до 15 коп. съ человѣка платятъ за то, чтобы сѣсть на подводу и прибавляютъ четыре коп. съ человѣка, чтобы подшить шаткую совѣсть инвалиднаго солдата, и уѣхать денежнымъ и желающимъ на этапъ впередъ другихъ¹⁾. Здѣсь счастливые и занимаютъ мѣста лучшія, мѣста на печи, на нарахъ. Продѣлки подобнаго рода такъ часты и денежные вымогательства со стороны солдатъ столь обыкновенны, что арестанты, не придавая имъ особеннаго значенія, смотря на нихъ, какъ на дѣло законное, неизбежно фатальное. Услаждая себя потомъ въ разсказахъ объ этомъ всѣмъ желающимъ вѣдать, арестанты и тогда относятся къ прошлому со всѣмъ равнодушіемъ и безъ всякой озлобленности. Вообще требовательные на равноправность общую по идеѣ артельнаго устройства и нетерпѣливые, неуступчивые при поползновеніяхъ на привилегію, — арестанты въ этихъ случаяхъ отчасти измѣняютъ своимъ обычнымъ правиламъ. Только одни кандалные, т. е. ссылаемые на каторгу, остаются имъ неизмѣнно вѣрны. У этихъ право удобно помѣститься въ казармѣ предоставляется тому, кто ловчѣе, кто шибче бѣгаетъ; принято за правило бросаться въ кандалную казарму опрометью тотчасъ

¹⁾ Иногда право обижать товарищей покупается желающими за меньшую плату, но въ такомъ случаѣ не иначе, какъ передъ самымъ этапомъ и тѣми, которые ѣдутъ впередъ. Солдатъ отбираетъ охотниковъ и ведетъ ихъ впередъ другихъ, конечно, пѣшкомъ.

послѣ того, какъ перекликали ихъ по списку и произвели осмотръ (если не успѣли или не догадались откупиться): нѣтъ ли денегъ, трубокъ, ножей».

Я въ крѣпко-морозный день зашелъ въ одинъ сплутный этапъ за Томскомъ, часъ спустя послѣ того, какъ въ него вошла партія, и увидѣлъ безобразную картину безпорядочнаго размѣщенія арестантовъ, какъ овечьего гурта, какъ стада: большая часть путешественниковъ толпилась около топившейся печи. Одинъ взгромоздился на уродливое громадное чудовище-печь и свѣсилъ свои ноги въ кандалахъ.

— Пошелъ прочь! — ожесточенно и грозно закричалъ на него вошедшій вмѣстѣ со мною офицеръ, не этапный, но имѣвшій на подобное приказаніе нѣкоторое право.

Я изумился его смѣлости; пораженъ былъ его крикливостью, и рѣшился робко замѣтить ему свое простое:

— Пусть погрѣется!

— Помилуйте! — продолжалъ кричать офицеръ. Кандалами замаску обколачиваетъ, кирпичи обламываетъ, печь портить. Не успѣешь выбѣлить, опять замазываетъ.

— Но здѣсь холодно, даже морозно.

— Казармы старья, обветшалыя! — замѣтилъ съ своей стороны этапный командиръ.

— Не вѣрьте, ваше благородье! слышался иной голосъ изъ толпы, сзади. Печь-то они затопляютъ передъ тѣмъ, какъ партія придетъ: вонъ и дрова не прогорѣли. Всю недѣлю этапъ холодный стоитъ: его въ два дня не протопишь.

Крикливый офицеръ опять закричалъ; силился оправить то-варища по оружію; но рѣчь арестанта была выговорена. Его искали, но, за многолюдствомъ и тѣснотой толпы и ловкостью говоруна, его не нашли.

Зло этапнаго холода остается все-таки зломъ и живою струною, которая звучитъ при самомъ ничтожномъ уколѣ, при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней. Звучитъ она одно, хотя и въ разныхъ тонахъ:

— Стынешь, стынешь, дорогой-то, а придешь — и согрѣться негдѣ! — замѣчали кроткіе. Умѣренные прибавляли къ тому слѣдующее:

— Трубу закроемъ: угаръ такой, что головы на плечахъ не держишь. Случалось, другіе опивались этимъ угаромъ до смерти. Не закрыть трубы — зубъ не попадаетъ на зубъ; цыганскій потъ обезсилить.

— Куда ни вѣнь — вездѣ клинъ, заключали озлобленные. Въ маленькихъ полу-этапахъ навалить народу въ казармѣ — не про-

толкаешься. Окна двойныя, съ рѣшетками — не продохнешь. Есть въ дверяхъ окошечко: открыть бы! Такъ солдатъ снаружи зашолкнулъ. «Отвори, моль, служивый, — сдѣлай милость!» — Давай, слышь, грошъ! — «Возьми, чортъ съ тобой!» Вотъ наше дѣло какое!

Заѣзжалъ я на этапы и теплой порой, въ весеннее время, и писалъ въ дневникъ на ту пору такія строки:

«Сазановскій этапъ (между Тобольскомъ и Тюменью).

Въ этапныхъ казармахъ, по случаю весенней бездорожицы и задержки на Иртышѣ, скопилось 230 человекъ арестантовъ. На небольшомъ и тѣсномъ этапномъ дворѣ, образуемомъ обыкновенно съ одной стороны арестантской казармой, съ другой — офицерскимъ флигелемъ, выходящимъ на улицу, и съ двухъ остальныхъ — острожными пѣлами (бревенчатымъ тыномъ), на дворѣ этомъ происходилъ рѣшительный базаръ. Кругомъ двора сидѣли бабы, дѣвки, дѣвчонки, солдаты; передъ каждымъ и каждой лежали разные продукты и товары: творогъ, молоко, квасъ, щи, каша, пироги. Какой-то солдатъ продаетъ всякую мелочь: мыло, пуговицы, петельки, и сладкое: конфеты, изюмъ, пряники.

— Кто это покупаетъ? спросилъ я солдата.

— Поселенцы своимъ ребятамъ, да мало.

Вижу: одинъ бритый арестантикъ съ тузомъ на спинѣ, въ кандалахъ, несетъ ковшикъ съ квасомъ и шаньгу (колобогъ).

— Сколько заплатилъ?

— По три копѣйки серебромъ.

На крылечкѣ поселенецъ, съ семьей, — въпятеромъ хлѣбаетъ молоко (на дворѣ стояли послѣдніе дни святой недѣли). Я спросилъ и его о цѣнѣ припасовъ.

— Гривенникъ даль: вишь великіе дни идутъ, захотѣлось.

А получаетъ отъ казны только $3\frac{1}{2}$ — 6 коп., а иногда и меньше, потому что количество кормовыхъ зависитъ отъ справочныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ данной губерніи и хотя цѣны мѣняются въ теченіи года, но казенное положеніе на круглый годъ остается одно и тоже. Продавцы этого не принимаютъ въ расчетъ и соображеніе; берутъ все, что вздумаютъ и что захотятъ. Контроля нѣтъ; наблюденій и не бывало. Продавцы эти (преимущественно женщины — жены тѣхъ же этапныхъ солдатъ; рѣдко деревенскія бабы, иногда сами солдаты, въ особенности отставные изъ этапныхъ), дѣйствуютъ огуломъ, шайкою, предварительно сговорившись, между собою, условившись ¹⁾: 50 коп. сер.

1) Изъ прежней исторіи этаповъ видно, что сперва вольныхъ торговцевъ не пускали; торговали сами офицеры, но по многимъ жалобамъ, что «офицеры берутъ вдвое,

(по ихъ таксѣ) стоитъ 1½ фунта варенаго мяса неопредѣленнаго вида, сомнительной доброты; 25—35 коп. берутъ онѣ, эти бабы-торговки, за чашку щей, которые и названіе носятъ щей арестантскихъ, купоросныхъ, и сливуть вездѣ съ такимъ приговоромъ: «наши щи хоть кнотомъ хлещи: пузыря не вскочитъ и брюха не окормятъ»¹⁾. При покупкахъ подобнаго рода арестанты обыкновенно дѣлаютъ складчину, человѣка по два, по четыре вмѣстѣ и «хоть немножко да похлѣбаешь горяченькаго, а безъ того на сухоматкѣ просто бѣда!» — замѣчаютъ они и жалуются всегда на постоянную рѣзь въ желудкѣ, на продолжительную и сильную одышку и проч.

— По Сибири однако все-таки харчъ подешевле, — толкуютъ другіе. По Пермской губерніи тоже сходныя цѣны; а вотъ по Казанской — просто приступу нѣтъ ни къ чему.

— Отъ казны на этапъ (говорилъ мнѣ этапный офицеръ) ничего не полагается, кромѣ тепла и свѣчъ: но и свѣчи прежде клали на цѣлую ночь, а теперь только до зари, до зари только....

И послѣднія слова офицеръ старается громче выкричать, можетъ быть для пущаго внушенія арестантамъ, что вотъ-де я и стороннимъ людямъ тоже, что и вамъ сказываю; а можетъ быть, и оттого громко говоритъ этапный, что на дворѣ творится рѣшительный базаръ, со всѣми признаками сходаго подобнаго рода: крикомъ, шумомъ, гамомъ. Все это слилось, по обыкновенію, въ одинъ гулъ. Въ этапномъ базарѣ было только то особенное, что звенѣли цѣпи, да покупатели были безъ шапокъ, съ бритыми на половину головами и съ желтыми тузами на спинахъ.

Мы пошли по казармамъ. Ихъ было шесть, какъ и прежде, какъ несомнѣнно увидимъ и впереди, потому что ни въ чемъ нѣтъ такого однообразія и постоянства, какъ въ устройствѣ этаповъ: изобразить одинъ, — значить всѣ описать.

Два дома: одинъ окнами на улицу для офицера и команды, другой внутри на дворѣ, окруженный частоколомъ, для арестантовъ. Посмотрѣть съ фасау: стоитъ желтенькій домикъ, въ срединѣ крылечко, съ боковъ примыкаетъ частоколь; въ немъ также

противъ вольной цѣны» торговать офицерамъ запретили. Однако злоупотребленіе не уничтожилось и только прикрылось маской, особенно тамъ, гдѣ этапы стоятъ далеко отъ селеній.

¹⁾ Высокія цѣны объясняютъ тѣмъ, что торговцы сами покупаютъ право на торговлю у этапныхъ начальниковъ и не всегда безъ прижимокъ. Приходившія партіи нерѣдко заставляли еще крикливый финалъ переговоровъ, а бывали и такіе случаи, что торговцы долгое время оставались на улицѣ передъ офицерскимъ флигелемъ. Уведемъ обыкновенно платять не больше 1 коп. сер. каждый торговецъ, а иногда просто за всѣ разы отплатятъ водкой или пивомъ на деревенскомъ праздникѣ.

по серединѣ широкия ворота: правыя на арестантскій дворъ, лѣвыя на конюшенный дворъ, отдѣленный отъ перваго частоколомъ. Войдешь крылечкомъ въ пролетъ сѣней въ сквозной корридоръ наружной казармы и знаешь: въ правой половинѣ двѣ комнаты, изъ которыхъ ближнюю прокуриваютъ тютюномъ этапные солдаты, дальнюю—конвойные казаки. Въ лѣвой половинѣ двѣ комнаты для этапнаго офицера, завѣдующаго двумя ближними полу-этапами; тамъ же его прихожая и кухня. На этапѣ, кромѣ офицера, живетъ еще каморникъ-сторожъ и уже больше никого.

Войдемъ корридоромъ на дворъ: здѣсь арестантская казарма и совершенно такая же какъ первая, той же длины и того же плана, т. е. также она раздѣлена на двѣ половины и каждая половина на двѣ казармы: правая и лѣвая для идущихъ на поселеніе. Двѣ заднія казармы (правая и лѣвая) раздѣлены поперечной стѣной на двѣ поменьше, изъ нихъ стало четыре маленькихъ: въ одной, направо—женщины, налѣво—запоздавшіе на этапъ поселенцы. Въ двухъ заднихъ помѣщаются кандалные, т. е. ссыльно-каторжные. Чтобы попасть къ нимъ, надо обойти кругомъ всей казармы и попадать дверями съ внутренняго фаса ея. Тамъ узнаешь, что правѣе арестантской казармы дворъ называется женскимъ, а домишко на немъ — баней.

Оглядимся въ казармѣ.

Въ одной и той-же помѣщены были и холостые и женатые поселенцы на общій соблазнъ. Ссыльно-каторжные отдѣлены; но отсюда въ Тобольскъ пойдутъ и тѣ и другіе и женщины, въ общей кучѣ, не дѣлясь, не дробясь, какъ шли они изъ Россіи.

Въ казармахъ поразилъ насъ возмутительно-дурной запахъ, хотя на то время открыты были окна. Болѣе тяжелымъ и съ трудомъ выносимымъ запахомъ отшибали тѣ казармы, въ которыхъ помѣщались женщины. Съ женщинами въ одной казармѣ жили дѣти.

— Бѣдныя дѣти!—говорилъ мнѣ со вздохомъ ко всему привыкшій, ко многому въ жизни равнодушный этапный офицеръ.

— Зимой, продолжалъ онъ, на дѣтей смотрѣть страшно: коченья, испитыя, больныя, кашляютъ; многія кругомъ въ язвахъ; сыпь на всѣхъ....

Но еще не столько опасны язвы физическія, сколько тѣ, которыя упадаютъ на мягкое дѣтское сердце отъ сосѣдства съ такими взрослыми; впрочемъ не лучше участи дѣтской участь и взрослыхъ арестантовъ, которымъ путь до Тобольска тянется иногда около года. Лишенія и болѣзни неизбѣжны и встрѣчаютъ ихъ вездѣ, во всякое время года. Тобольская тюремная боль-

лица наполняется каждою зимою большими отмороженіемъ членовъ (регіо) до антонова огня; тюменскую и екатеринбургскую тюремныя больницы нашелъ я (въ апрѣлѣ прошлаго года) наполненными, до тѣсноты, большими тифозной горячкою¹⁾. Арестанты обязаны идти 500 верстъ въ мѣсяць, не разбирая никакой погоды. Только двѣ распутицы, по поводу вскрытія и остановки рѣкъ (весенняя и осенняя), задерживаютъ проходящія партіи въ тюрьмахъ и на этапахъ. На мой проѣздъ по тюменскому тракту на одномъ этапѣ скопилось 250, на другомъ 230; на третьемъ 280 человекъ. Въ Тобольской тюрьмѣ собралось до двухъ тысячъ; въ тюменскомъ острогѣ полторы тысячи²⁾.

Удивительно ли, что при такомъ накопленіи арестантовъ, такая духота въ казармахъ и такое зловоніе, когда стѣны успѣли прогнить цѣликомъ, когда бѣольшая часть зданій построена на мѣстахъ болотистыхъ, когда многіе этапы, въ половодье, очутятся стоящими на острову, залитые со всѣхъ сторонъ водою, когда эта вода на поль-аршина въ глубину застаивается и промзгнетъ на самыхъ этапныхъ дворахъ, въ самыхъ этапныхъ зданіяхъ.

Въ особенности нестерпима казарменная духота и сильно зловоніе, когда арестанты, въ ненастную погоду, приходятъ всѣ мокрые. Ночью, когда ставятъ парашу — кадку ночную, казарменная атмосфера перестаетъ имѣть себѣ подобіе. По словамъ очевидца: «смадь отъ этой парашы нестерпимый! И эти несчастные какъ будто стараются какъ можно болѣе выказать отвратительную сторону своего человѣчества. Они такъ сказать закалываются здѣсь во всѣхъ порокахъ. Между ними всегда шумъ, крикъ, карты, кости, ссора, или пѣсни, пляска. Боже, какая пляска! Однимъ словомъ, тутъ истинное подобіе ада!»

Понятно, почему Тобольская тюрьма тяготится множествомъ больныхъ острыми болѣзнями; понятно, что въ такихъ случаяхъ и самая смертность увеличивается за недостаткомъ фельдшеровъ и лекарствъ³⁾. Къ чистотѣ и опрятности зданій приставники изъ

¹⁾ Вотъ средній выводъ изъ цифръ въ трехлѣтней сложности. Изъ 9,500 человекъ (среднее годовое количество ссыльныхъ, проходящихъ черезъ Тобольскъ) задерживаются по болѣзни въ дорогѣ до Нерчинска 1,260. Изъ нихъ 260 умираютъ, что составляетъ 0,027 съ долями всего числа ссыльныхъ. По прибытіи въ Тобольскъ, во время содержанія въ тюремномъ замкѣ, въ теченіи года, умираютъ изъ пересыльныхъ арестантовъ до ста человекъ. Въ числѣ главнѣйшихъ арестантскихъ болѣзней на этапахъ самая обычная—венерическая, чаще приносимая изъ Россіи и первѣдо приобретаемая въ дорогѣ.

²⁾ Эти остановки произошли вслѣдствіе половодья рѣкъ Тобола и Иртыша. Въ 1860 году, разливъ Иртыша собралъ на одномъ изъ тюменскихъ этаповъ 512 человекъ.

³⁾ Кромѣ больницъ при большихъ тюрьмахъ въ городахъ, больницы устроены еще

солдатъ не приучены. Большая часть изъ нихъ не живетъ при мѣстахъ. Солдаты присылаются женатыми, а потому на новомъ мѣстѣ спѣшатъ поскорѣе обзавестись собственнымъ домомъ и хозяйствомъ. Заплативши 15, 18, 20 рублей за цѣлую избу, солдатъ отдаетъ ей все свое свободное время и потомъ маклачить около арестантовъ торговлей и продаетъ имъ за 3 к. кринку молока, за три жареныхъ рыбки беретъ 6 коп.; за фунтъ хлѣба 1½ и копейку за небольшую чашку промзглаго, съ плѣсенью, квасу. Въ этомъ—всѣ отношенія приставниковъ къ проходящему люду, и затѣмъ все для себя и для собственнаго хозяйства. Семейнымъ солдатамъ положено отводить земли подъ поля и сѣнокосы, но военный человекъ на мирныя и кропотливыя занятія не идетъ, предпочитая имъ крохоборливыя, но настойчивыя вымогательства и поборы съ проходящихъ арестантовъ. Полей солдаты не пахутъ, хлѣба не сѣютъ; сѣнокосные луга отдають въ кортомъ. Припомнимъ при этомъ, что каждый этапный солдатъ, исправляя казенную службу, долженъ пройти пѣшкомъ 100 верстъ въ недѣлю; въ годъ (50 недѣль) больше 5 тысячъ и во весь срокъ службы (отъ 15—20 лѣтъ) обязанъ обработать 75—100 тысячъ верстъ! О правильномъ и прочномъ хозяйствѣ тутъ нечего думать; много, если хозяйка солдата сумѣетъ обзавестись огородомъ, капусту съ котораго во щахъ продаетъ она потомъ дорогою цѣною тѣмъ же арестантамъ¹⁾.

На одномъ полу-этапѣ встрѣтилъ я двухъ солдатъ-сторожей. Полу-этапъ былъ пустъ, хотя сосѣдніе этапы были биткомъ набиты²⁾. Одинъ изъ солдатъ былъ семейный, и такъ какъ вблизи не было селенія, то онъ помѣщался съ семьей на полу-этапѣ.

черезъ каждые три этапа при четвертомъ. вмѣсто лекарей въ этапныхъ больницахъ фельдшера, которые, также какъ и больницы, носятъ только званіе, не отличаясь надлежащими качествами. Благодаря этимъ заведеніямъ и трудностямъ путешествія, бывають случаи, что вмѣсто года нѣкоторые арестанты попадаютъ на мѣсто назначенія года черезъ четыре.

1) Насколько выгодна торговля около арестантовъ, можно судить изъ того, что напр. на Вилижанскій этапъ торгующія бабы приносятъ съѣстные припасы изъ деревни верстъ за 6 и за 8.

2) Устройство полу-этаповъ проще, но за то они и неудобнѣе. Здѣсь съ фасау видишь только стойкомъ торчащія заостренныя на верху бревна и среди ихъ огромныя ворота съ низенькой, пробитой въ нихъ и непомятно замазанной калиткой. Изъ-за острія палей торчатъ трубы и крыши. Войдя туда, узнаемъ, что по правую руку, отъ воротъ,— караулка, по лѣвую, также въ углу, конюшня. Среди двора стоитъ казарма меньше этапной, но съ поперечнымъ корридормъ, куда глядятъ четыре двери: изъ нихъ трои ведутъ въ большія комнаты для поселенцевъ; четвертая выходитъ изъ заднихъ узенькихъ сѣнецъ. Тамъ дверь въ № 4, куда запирають кандалыныхъ и такимъ образомъ держатъ ихъ ночью подъ двумя замками.

Въ комнатѣ его уютно и опрятно, на стѣнѣ виситъ конская сбруя.

— Лошадку, — говоритъ, — держу. Двоихъ дѣтей кормить надо; въ работу лошадку пускаю, отдаю мужикамъ.

— А что же, арестантовъ на ней не возишь?

— Никакъ нѣтъ! Я около арестантовъ не поживляюсь, отвѣчалъ солдатъ на вопросъ мой и лгаль. Лгаль сколько потому, что селеніе было далеко, столько и потому, что чѣмъ же дѣтей кормить, чѣмъ же самому заниматься? Усталыя партіи нуждаются въ конныхъ подводахъ и особенно на вторую половину пути, и именно отъ полу-этапа. Да и кто же отъ денегъ прочь?...

Не совралъ солдатъ на этотъ разъ въ одномъ только, что и на этомъ полу-этапѣ бываетъ огромное стеченіе арестантовъ и что всю громадную массу ихъ поведутъ тѣ же 20 конвойныхъ (немного больше, немного меньше), наряжаемыхъ обыкновенно отъ этапа. Къ этому числу прибавятъ четырехъ казаковъ конныхъ, и на взаимномъ довѣрїи, на взаимныхъ уступкахъ и одолженїяхъ, пойдетъ огромная толпа преступниковъ съ такимъ ничтожнымъ числомъ конвойныхъ.

Дальше мы знаемъ, что дневки или растахи (черезъ два дня въ третїи) мало помогаютъ дѣлу, мало подкрѣпляютъ силы путешественниковъ. Арестанты, пришедшіе въ Тобольскъ (почти всѣ до единого), обыкновенно жалуются на общую слабость во всемъ организмѣ, на ломоту въ ногахъ, на сильное удущье. Ревматизмъ — такой частый и неизбѣжный гость, что почти получилъ названіе этапной болѣзни. Сверхъ того, у мужчинъ открываются грыжи, у женщинъ маточныя болѣзни¹⁾. Понятно, отчего Приказъ о ссыльныхъ вынужденъ бываетъ большое число приходящихъ преступниковъ назначать въ разрядъ такъ называемыхъ *неспособныхъ*. Неспособные эти, составляя особый классъ людей въ составѣ сибирскаго населенія, не платятъ податей и повинностей, обременительны для обществъ, на большую половину бродятъ, и весь классъ людей этихъ дѣйствительно *неспособный*.

Самое направленіе этапнаго пути, Богъ вѣсть когда и вѣмъ намѣченнаго, въ настоящее время, при современныхъ требованїяхъ, не выдерживаетъ никакой критики. Намъ выставляютъ множество неудобствъ; высказываютъ замѣчательное количество справедливыхъ сѣтованій. Тратится лишнее число государствен-

¹⁾ Ежегодное среднее число больныхъ въ тобольскомъ тюремномъ лазаретѣ $\frac{1}{5}$ часть слишкомъ всего пересылаемаго количества (изъ 11 тысячъ 2,070 больныхъ). Изъ этой $\frac{1}{5}$ части умираютъ въ годъ 163 человекъ. Весной каждая партія оставляла больныхъ на пути между Тюменью и Тобольскомъ человекъ по 10 среднимъ счетомъ.

ныхъ суммъ, лишнее количество человѣческихъ силъ, излишнее число верстъ и пространствъ. Въ старія времена, когда ближайшій сибирскій путь шель въ Тобольскъ, только на Вологду и черезъ Верхотурье, крюкъ для ссыльныхъ былъ конечно значительнѣе; но и теперь, когда повернули его на Пермь черезъ Екатеринбургъ, путь для ссыльныхъ не сдѣлался настоящимъ. Арестанты идутъ далеко въ сторону отъ тѣхъ сибирскихъ трактовъ, которые проложила себѣ коммерція, всегда соблюдающая пространство и время, всегда намѣчающая короткіе и прямые пути вездѣ, гдѣ-бы то ни было, даже и въ нашей безпредѣльной и дикой Сибири. Арестанты не идутъ тамъ и почтовыми трактами, которые обыкновенно длиннѣе купеческихъ, но короче казеннаго этапнаго. Такъ, напр., съ Тюмени партіи преступниковъ, вмѣсто того, чтобы черезъ Барабинскую степь идти прямо на Томскъ, сворачиваютъ по старому преданію на Тобольскъ и идутъ прямо на сѣверъ, подвергаясь по зимамъ неблагоприятному, вредному вліянію сѣверныхъ вѣтровъ и непогодъ. Если эти непогоды упорно стоятъ долгое время (что случается очень часто), арестанты приносятъ въ Тобольскъ всѣ поголовно одышку, колотье въ груди, отмороженные носы, щеки, отвалившіеся пальцы. Изъ Тобольска партіи идутъ на Тару, совершая огромный новый излишекъ пространствъ, и идутъ въ тоже время по мѣстамъ мало населеннымъ, климатически и экономически неблагоприятнымъ. Одинъ Иртышъ партіи переходятъ нѣсколько разъ, безъ всякой нужды и какъ будто для однихъ только излишнихъ издержекъ на пути, какъ будто для того только, чтобы своими посѣщеніями поддержать быстро упадающую славу древняго и нѣкогда очень большого города Тобольска. Не говоримъ уже о множествѣ другихъ переправъ черезъ другія рѣки, роскошь, которую можно бы легко обойти! Не говоримъ также о томъ излишкѣ переходовъ, которые, напр., принуждены дѣлать поселенцы, назначенные въ округа: Тюменскій, Ялуторовскій, Курганскій и Туринскій, и обязанные такимъ образомъ идти старымъ пройденнымъ путемъ назадъ изъ Тобольска, куда они ходили только ради одного Приказа о ссыльныхъ и оттого сдѣлали отъ 435 до 517 верстъ лишнихъ. Не говоримъ уже о неудобствахъ этапныхъ помѣщеній, о той мучительной трудности, съ какою сопряженъ неблагоприятный во всѣхъ случаяхъ образъ пѣшаго хожденія, и проч., проч. Не говоримъ мы обо всемъ этомъ потому, что во 1-хъ, много объ этомъ говорено въ недавнее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, а во 2-хъ и потому, что мы знаемъ о намѣреніи облегчить арестантамъ тяжесть этапнаго пути. Когда выяснится дѣло въ дальнѣйшихъ по-

дробностяхъ, — нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что значеніе Тобольска померкнетъ передъ значеніемъ другого города, Тюмени, того камаго, изъ котораго — по проекту гр. Сперанскаго — перевели «по солодничьей части Присутствіе» въ Тобольскъ и переименовали его тамъ въ Приказъ о ссыльныхъ. Мы увѣрены въ одномъ, что настоящій способъ препровожденія ссыльныхъ бесполезенъ и далеко не оправдываетъ тѣхъ ожиданій, которыя клали на него въ началѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, когда совершалось, по проектамъ графа Сперанскаго, преобразование сибирскихъ губерній.

Возвратимся назадъ, къ тѣмъ же этапамъ, каковыхъ по одной Сибири считается 60, да при нихъ 64 полу-этапа.

Этапную жизнь собственно арестанты любятъ, хотя она и представляетъ цѣпь стѣсненій и вымогательствъ, и любятъ они ее потому, можетъ быть, что она какъ будто ближе къ свободной жизни, дорогѣй для всякаго человѣка. Съ этапами арестанты расстаются неохотно. Я видѣлъ ихъ наканунѣ каторги и могу свидѣтельствовать, что въ лицахъ, въ поступи, въ тонѣ «Милосердной» и видится, и чувствуется гнетущая тоска и отчаяніе. То и другое объясняется близостью мѣста, при одномъ воспоминаніи о которомъ у всякаго сжимается сердце; не всякій сумѣетъ собрать силы и показаться наблюдателю сохранившимъ твердость духа, а тѣмъ болѣе храбрымъ въ поступкахъ и поступи. Арестанты приходятъ на каторгу безъ денегъ, рваные, голые, безъ надежды и безъ родины.....

Медленно подвигается партія къ заводу, молчаливая, окруженная всяческою форменностью. Еще за нѣсколько верстъ надъ арестантскими головами уже прогремѣла команда: «приформиться!» — по которой всѣ должны быть по мѣстамъ, всѣ въ кандалахъ и при котомкахъ. Всѣ должны приготовиться какъ-бы къ какому великому таинству.

Вотъ партія на мѣстѣ. Мѣстное начальство принимаетъ арестантовъ по списку.

— Надо кандалы расковать! — говоритъ оно на томъ основаніи, что дорожныя кандалы возвращаются конвойнымъ; на каторгѣ надѣваютъ новыя.

— Да ужъ завтра сдѣлаемъ это! сегодня не успѣемъ всѣхъ очистить и опять запаять, — замѣчаетъ пріемщикъ въ простотѣ сердца.

— Расковать недолго! — объясняетъ этапный офицеръ, бывалый и много-смекающій, и проситъ:

— Мнѣ очень нужно спѣшить назадъ: позвольте сейчасъ!

И въ радости сердца, что и еще одну партію сбывъ съ рукъ

благополучно и не лишился, за отсутствіемъ бѣглыхъ, годового жалованья въ награду (по положенію), этапный офицеръ велитъ партіи снимать кандалы и въ два-три часа очищаетъ всѣ ноги.

Мало-опытный горный офицеръ удивится, видя, что арестанты снимаютъ кандалы, какъ сапоги, но бывалый и догадливый знаетъ, что на всякіе замки существуютъ отмычки, и что чѣмъ больше стѣсненія и строгости, тѣмъ больше исканій противоборства, а рѣдкое исканіе у настойчивыхъ и сильныхъ людей не вѣнчается успѣхомъ. Къ тому же, арестантская партія дѣйствуетъ огуломъ, артелью. Въ ней сто головъ, сто умовъ.

Пришли рабочіе люди слабыми, болѣзненными, отвыкшими отъ труда, а нѣкоторые даже и вовсе къ нему неспособными; но — что всего важнѣе — большая часть изъ нихъ глубоко испорчены нравственно. Иные пришли сюда, за болѣзнями и остановками, на четвертый годъ по выходѣ изъ Россіи; но пришли во всеоружіи долгаго опыта. Приспособляйте ихъ къ работѣ и доглядывайте: все это мастера, но на особую статью, все это такіе рабочіе, какихъ уже въ другихъ мѣстахъ не встрѣчается!

Въ тюрьмѣ и на каторгѣ преступники скажутся въ иныхъ находкахъ и изобрѣтеніяхъ, и тамъ съумѣютъ они перехитрить природнымъ умомъ то, что прилаживается умомъ искусственнымъ, поддерживается внѣшнею, грубою силою. На чьей сторонѣ окажется побѣда — мы увидимъ.

С. Максимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).